М.

ВЕЛЛЕР

БАЛЛАДЫ ТЮРЕМ И ЗАГРАНИЦ

Михаил Веллер

Баллады тюрем и заграниц (сборник)

«АСТ»

2012

Веллер М. И.

Баллады тюрем и заграниц (сборник) / М. И. Веллер — «АСТ», 2012

ISBN 978-5-271-44230-8

Новая книга Михаила Веллера, чье творчество отличают искрометный юмор, сарказм, увлекательность повествования. Невероятные истории, рассказанные мастером, все чаще воспринимаются не как фантазии писателя, но словно превращаются в известную многим реальность.В сборник включены рассказы: «Баллада датской тюрьмы», «Огнестрельное», «Пьяная травма», «Лысый кукурузник», «Бровеносец Потемкин» и многие другие…

ISBN 978-5-271-44230-8

© Веллер М. И., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

БАЛЛАДЫ ТЮРЕМ И ЗАГРАНИЦ 5
БАЛЛАДА ДАТСКОЙ ТЮРЬМЫ 5
ПОСВЯЩАЕТСЯ СТЕЛЛЕ 14
МИЛЕДИ ХАСЯ 21
РЫЖИК 24
РЕЖИССЕР В ЭРОТИКЕ 30
ФУГА С ТЕННИСИСТОМ 37
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Михаил Веллер

БАЛЛАДЫ ТЮРЕМ И ЗАГРАНИЦ

БАЛЛАДА ДАТСКОЙ ТЮРЬМЫ

Дания – страна скучная. Но вообще ничего. Жить можно. Если кому охота ничего не делать и жить спокойно – место очень подходящее.

Датчане гордятся тем, что их королевская династия – сегодня древнейшая в мире: не прерывается уже тысячу лет. И любят вспоминать, что когда во время Второй Мировой войны оккупировавшие их немцы приказали всем евреям нашить желтые звезды, назавтра король вышел на улицу с могендовидом на черном пальто; начиная с чего и не допустил акции.

Теперь прибавим к этому викингов, завоевавших Англию и державших в страхе пол-Европы, замок Эльсинор, где Гамлет разбирался с родственниками, и необыкновенно человеколюбивое законодательство, позволяющее любому бездельнику отлично жить на кучу социальных пособий. И завершим этот краткий обзор знаменитым и действительно прекрасным парком развлечений Тиволи.

После этого делается понятным, почему две старушки на улице, к которым я обратился с просьбой обменять мне горсть мелочи на одну крону, имея в виду позвонить из автомата, – зашипели старушки под бряк моих монеток, и прервали меня презрительно советом идти работать, а соседние старушки оплевали мой английский приказом учить датский. Забодали их попрошайки-иммигранты из интересных стран, приехавшие за скучной хорошей жизнью.

Итак, жил-был в Петербурге юный поэт. Малоизвестный, как водится. В Петербурге и маститым старым поэтам не шибко сладко живется, а уж о молодых дарованиях и говорить не приходится. Поэт хотел писать стихи, а еще он при этом хотел хорошо жить. Вдобавок это был женатый поэт. Женатым людям вообще не шибко сла… но, кажется, мы начинаем повторяться. Жена была его единственным слушателем, и таким образом он рассматривал ее как необходимый элемент своей творческой жизни. А вообще жизнь была дерьмо.

В дерьме случались отдельные зерна типа если не жемчужных, то хотя бы кукурузных. Например, однажды поэт удостоился читать свои вирши на вечере молодых дарований в ПЕН-клубе. И председательствовавший, известный поэт Виктор Кривулин, в порядке самокомпенсации за три часа бреда, который он по долгу положения был вынужден слушать, долго и с удовольствием рассказывал нищим пиитам, как он хорошо выступал в Дании. Я терпел, теперь вы потерпите. Должность председательствующего имеет свои приятные стороны даже у поэтов.

И наш поэт запал на Данию. Он представил себе, как гениально можно жить в Копенгагене на социал (социальное пособие), ни хрена не делать, гулять у Русалки и писать стихи. О, это именно тот коммунизм с человеческим лицом, о котором мечтали отцы-основатели! Недаром, недаром отдал свою молодую жизнь Гамлет за счастье будущих поколений романтиков и поэтов.

Из чего можно сделать тот верный вывод, что романтизм и дармоедство совмещаются у поэтов удивительным образом, но очень крепко. Этим поэтам палец в рот не клади, они только с виду безобидные.

Поэт велел жене собирать чемодан – они едут в Копенгаген. Как, на что?! Все продадим. Что продадим?! Гм. Одолжим. Купим самый дешевый тур. И попросим политического убежища. Будем шикарно жить. Посылать подарки твоим родителям.

Жена подумала и спросила, почему же тогда все их друзья-поэты еще не живут в Дании? И получила ответ, что все эти поэты идиоты. Поэт вообще склонен отказывать собратьям по ремеслу в умственных способностях.

Но жены поэтов лучше разбираются в жизни. Это ведь они вынуждены кормить шизофреников, которые рифмуют «украдкой» и «прокладкой». Жена полезла в атлас мира и выяснила, что Дания расположена на Ютландском полуострове, а полуостров – это часть суши, не менее чем с трех сторон окруженная морем. И всех желающих эта ограниченная суша вместить никак не может, разве что начать их спихивать в окружающее море. Для уточнения она позвонила в датское консульство, где ее страшно разочаровали: после девяносто первого года, когда лопнул Союз и настала свобода, россияне правами политических беженцев не пользуются, и вообще больше в Дании ничем не пользуются, халява капут, фрёкен.

Поэт попил водки, полежал в депрессии, временно прекратил писать стихи и проявил отменную предприимчивость. Не писать стихов вообще полезно.

Он схватил жену с чемоданом и переволок к ее родителям. Комнату свою сдал – дешево, но деньги за полгода вперед. Оформил загранпаспорта и купил самый дешевый тур в Данию. После чего походил по турфирмам и нашел такую, которая незадорого устроила ему и жене выписку из Петербурга задним числом, как бы годом раньше. Выписаться – не прописаться, дело несложное, если есть связи.

Такой же как он, молодой бедный поэт, работавший в газете, устроил ему командировку от газеты в Душанбе. И он явился в Душанбе, где идет война и все русские разбежались, и предъявил свою командировку в местной русской газете, и сообщил оставшимся полутора сотрудникам, что хочет у них немного поработать. Да с радостью, дорогой!

За три недели, живя в редакции, он обделал все свои дела. А именно: новые друзья обратились к своим местным друзьям, и ему сделали прописку задним числом. А больничные бланки с печатями он купил на базаре сам. И, разумеется, напечатал в газете свои стихи.

Предыстория окончена. Поэт с женой сел на паром и прочитал удаляющейся родине прощальный сонет.

Вечерний Копенгаген встретил его горящей от горизонта вывеской «Туборг». Тренированный таджикской войной и российской бюрократией герой со странным ощущением понял, что из мира бардака попал в мир потребления.

Утром сойдя на берег после уже оплаченного завтрака, он высмотрел полицейского и на хорошем английском сообщил: «Прогнило что-то в Датском Королевстве? Вы не чувствуете? А Шекспира вы читали? Неважно, тогда подскажите, пожалуйста, как проехать в лагерь для перемещенных лиц».

Лагерь был в часе езды на электричке. Это такой садик в загородке, где за зеленью белеет гостиничка-общежитие. Из будки у ворот высунул пивной живот привратник.

– Прошу политического убежища! – заявил поэт.

– О'кей, – согласился привратник. – Из какой вы страны?

– Из Таджикистана. Сбежал от резни.

– Поздравляю, – сказал привратник. – А Таджикистан – это где?

– Рядом с Афганистаном. Средняя Азия. Граница бывшего СССР.

Привратник пошевелил животом и покивал:

– Проходите. В комнате номер два вам покажут, в какую комнату селиться, и выдадут талоны на питание.

В комнате номер два, однако, вместо поселения и пропитания им устроили допрос. Российские загранпаспорта, идите гуляйте и плывите вон!

Но петербургский поэт – не тот продукт, чтобы вечно плавать. Он вытащил паспорта с душанбинской пропиской, три справки об избиениях с печатью душанбинской поликлиники,

пачку душанбинских газет со своими стихами и статьями, и папку газетных вырезок о зверствах войны и преследованиях русских.

– Мы выросли на Андерсене, Торвальдсене и Кьеркегоре, – сказала жена по-датски при помощи русско-датского разговорника и стала плакать.

И датчане вынуждены были признать, что у них стало двумя нахлебниками больше.

В лагере супруги безбедно прожили год: приоделись в почти модные тряпки из благотворительных пожертвований, трижды в день спускались в столовую, привередливо ковыряя вполне качественную кормежку, курили баснословно дорогие в Дании сигареты (пять долларов пачка), покупаемые на отдельное табачное пособие, и ждали от департамента иммиграции постоянного вида на жительство.

Первые два месяца шло в кайф, а потом стало скучно. Рядом жили курды, югославы, эфиопы и албанцы. Они галдели, курили план, жрали как землеройные машины и были совершенно чужды поэзии.

Копенгаген оказался небольшим, а цены – бешеными.

В поисках слушателей для своих стихов поэт познакомился с русской общиной. Полсотни человек были расколоты на несколько группировок. При церкви была библиотека, по воскресеньям после службы там пили чай: одна партия с батюшкой в одной комнате, другая со старостой в другой комнате, а третья с председателем общины пила пиво через дорогу. Что они пытались делить, человеку новому уразуметь невозможно.

Поэт затосковал. Тоска была, прожиточный минимум был, но пить было практически невозможно – бутылка водки под сорок долларов.

Пропив в два присеста месячное пособие, поэт снова временно перестал писать стихи, вместо этого проявив сообразительность. Он пошел в порт искать русское судно. При такой разнице цен только осел не прихватит несколько бутылок на продажу.

Ослов на русских судах нет, а бутылок гораздо больше, чем несколько. Поэт нахрюкался в хлам, тут же угостил новых друзей-мореманов и почитал им стихов. Они прониклись настоящей поэзией и предложили привозить ему водку хоть ящиками.

– Мужики, да я столько не выпью.

– И не пей. Мы ж не пьем.

– ?!

– Продавай. Ты чо. Все продают. Ты чо?

И он стал подторговывать. По мелочи так. Пошлялся по арабским лавочкам, организовал сбыт: с рейса – пару ящиков водчонки, десяток-другой блоков сигарет. Не зарываясь, чтоб конкуренты-поляки не сбросили в канал.

И даже приподнялся. Наши команды о нем уже знали. Свой, интеллигентный, надежный, петербуржец, дает сразу налом, и искать никого не надо. Шиковать он опасался, чтоб со всех пособий не сняли, счет в банке тоже опасно открывать, сплошная компьютеризация всех данных, а он же нищий, социальщик: так он сгонял на рейсовом катере через пролив в Швецию, полчаса ходу, виз не спрашивают, и раз в месяц клал деньги в банк в Мальмё.

И вот как-то берет он ящик водки, а выпить охота, и с ребятами посидеть. И прямо в каюте они одну бутылку раскрывают и шлепают. Он распечатывает только что купленный блок сигарет, морячки тащат закусь с камбуза; вторую открывают. Хорошо идет! Давай еще одну… А, да хрен с ним, с этим ящиком, хорошо сидим!

А потом он вызывает такси, они суют пузыри в карманы и едут погулять по городу. Лето, погода чудная, настроение что надо.

…Утром кто-то стучит в дверь. И сильно так, аж в голове отдается.

– Да-да… Войдите!..

Не входят. Стучат. Что за кретинизм…

Он с неохотой всплывает из глубокого сна. Постель жесткая, неудобная. Открывает глаза. Подушка серая, плоская… ерунда какая-то.

Опять стучат. Со стоном поворачивает голову и ничего не может понять.

Это по голове его легонько постукивает дубинка. А за другой конец дубинки держится полицейский. А за полицейским, как нимб, встает утреннее солнце.

Он отдает себе отчет еще в одной странности: пахнет необъяснимо. Просто гадостно воняет!

Хочет спустить ноги с кровати – и не может! Не спускаются ноги! Так, все, замели: нары, контрабанда, срок… ужас.

А полицейский сочувственно говорит:

– Что, сынок, перебрал? Вставай, не лежи.

До него доходит, что он лежит на тротуаре. Он кое-как встает, и полицейский морщит нос:

– Эк ты неудачно лег, сынок.

Здесь необходимо сказать пару слов о датских собаках. В этой изобильной стране методом вековой селекции, не иначе, вывели удивительных собак. С виду они обычные, но диаметр выходного отверстия равен так примерно калибру ротного миномета. И когда они гуляют, то следы их прогулок чудовищно напоминают человечьи, причем от матерого едока. И сейчас этот след обжористого меньшого брата распределен у несчастного поэта по всему фасаду.

– Помыться бы тебе, сынок, – сочувствует сердобольный полицейский.

От всего этого мерзкого непотребства поэт приходит в себя. И тогда он понимает, что это ему всю ночь мешало спать. Он спал на здоровенном булыжнике. Откуда взялся единственный булыжник среди сплошного асфальта?.. И как удачно выбрано место на ровном и чистом, в сущности, тротуаре: тут тебе и камень, и какашка… стекло еще какое-то битое!.. Не порезался хоть?

Нет, не порезался. Все-таки Бог пьяниц бережет. Но откуда стекло?

Он поднимает глаза, и ему хочется заснуть обратно. Потому что он пролежал ночь прямо под разбитой витриной. Над витриной написано, что это ювелирный магазин. А в самой витрине, вперемешку с осколками, лежат, согласно вывеске, разные ювелирные изделия.

А полицейский соотносит между собой булыжник, алкаша с какашкой, разбитое стекло и драгоценности в витрине. И делает вывод:

– Сейчас я зачитаю тебе твои права. Или тебе сначала надо пива попить?

Из машины, которая, оказывается, стояла рядом, вылезает второй полицейский и протягивает нашему грабителю бутылочку пива. И он выслушивает свои права. Понимает отлично, соображение становится кристальное! Недаром датский язык на бесплатных курсах для беженцев учил.

И это кристально ясное соображение подсказывает ему, что он огреб лет восемь. Ограбление ювелирки со взломом. Да нет, скорее двенадцать.

Разгромленная витрина заклеивается крест-накрест лентой, и первый полицейский остается при ней. А второй сажает его в машину, открывает окна, воротит нос и везет в отделение.

Там с него снимают показания. Пил на судне с русскими моряками, ничего не помню. Какое судно? Проверяют, сходится. Полицейские добреют и даже начинают его жалеть: что же вы, говорят, такой молодой и бросились пить с русскими моряками.

Катают пальчики. Отпечатки на булыжнике сходятся, на осколках стекла сходятся. А где вы, интересуются, этот камень взяли? Черт его знает, откуда он взялся.

Но в карманах у него пусто – ни денег, ни драгоценностей. А хозяин магазина уже прорыл носом витрину – ничего не пропало, слава те Господи! И значит, налицо не ограбление, а только хулиганство, максимум – умысел: почему вы разбили именно ювелирную витрину? Но умысел еще доказать надо.

И заметьте: ночь простояла раздрызганная витрина с драгоценностями, и никто каким-то образом ничего не взял!

Нашего конвоируют в душ и советуют простирнуть костюмчик. Он льет на голову холодную воду, смывает с одежды следы ночлега, покаянно заводит руки за спину и спрашивает, куда идти.

– А где вы живете?

– Я указал в протоколе адрес. – Повторяет.

– Вот туда и идите.

– Как?..

– А как вы туда обычно ездите? На электричке. У вас же проездная карточка сохранилась, не потеряна.

Наш пытается уразуметь. Его что, не сажают, что ли?.. Нет, сажать можно только после приговора суда. Но он же совершил преступление… разбил витрину. – Вот суд и оценит. – А… пока? А пока вы подписали обязательство о невыезде. И, кстати, позвоните жене, она же волнуется, телефон у двери, у вас осталось право на один бесплатный звонок.

– А когда являться на суд?

– Вам прийдет открытка с точным временем.

И совершенно обалделый от своего счастья и этого гуманизма поэт катится домой, и если бы не трещала голова после русской водки, то впору парить на крыльях и петь датский гимн.

Месяц он парит и поет, второй парит и поет, на третий эта неопределенность начинает выматывать нервы: хочется приземлиться и спокойно молчать; определенности хочется.

И вот приходит приглашение на казнь. Жена собирает ему две сменки белья, теплый свитер, зубную щетку и сигареты. Он пишет поэму на манер «Баллады Редингтонской тюрьмы». И несколько знакомых из русской общины, которых он угощал водкой и стихами, сопровождают его в суд: и поддержать, и развлечься, и пожить общественной жизнью.

На выходе из ворот они встречают почтальона. И почтальон вручает ему конверт из Департамента иммиграции: ваше ходатайство рассмотрено и удовлетворено, вы получаете постоянный вид на жительство и вноситесь в очереди на муниципальную квартиру и всякие социальные блага.

Это же необходимо вспрыснуть! Ну хоть по чуть-чуть! Они заворачивают в бар, пьют за Данию и за начало новой жизни. И на такси, опаздывая и в прекрасном настроении, прикатывают в суд. Поэт всех любит и готов сидеть вечно.

Вечность прокурор измерил семью годами. Обвиняемый побелел и поклялся себе бросить пить вообще.

Но датский суд демократичен, и наступил черед бесплатного государственного адвоката. А кто обычно государственный и бесплатный? Молодой, который еще не купил частную практику и не выработал ценз по времени и выигранным делам. И этот молодой боец выскакивает на ринг. По фигу ему поэт, он дерется за свою карьеру.

Он кратко освещает творческий путь поэта: любил, страдал, принес свой духовный вклад в датскую сокровищницу. Он выразительно воспевает успевшую забеременеть на датских кормах жену поэта: пусть лучше семью кормит муж, чем налогоплательщики. Он вдребезги разносит претензию обвинителя на умысел к ограблению: помилуйте, все на месте, перестаньте плодить преступность на бумаге. И только после этого, размяв, так сказать, соперника, наносит нокаутирующий удар.

Он предъявляет суду рекламу стекольной фирмы, поставившей ювелиру это витринное стекло: оно и небьющееся, и пуленепробиваемое, и не нуждается в дополнительной защите, и вообще способно выдержать чуть не ядерный взрыв.

Он предъявляет иск ювелира к фирме: обман клиента, нарушение прав потребителя и нарушение закона о рекламе. И присовокупляет к нему ответ фирмы: кается, признает, за

свой счет заменяет стекло на улучшенное и гарантированное – и благодарит клиента за то, что он помог фирме вскрыть недостатки продукции; плюс компенсирует моральный ущерб и частично материальный за полдня простоя в работе.

Это стекло вообще не должно было разбиться, гремит адвокат! И не было бы никакого преступления, и никакого суда, и никакой траты государственных средств! Да этому парню вообще надо предоставить место эксперта у стекольщиков!

И шлепает на судейский стол письмо злосчастной фирмы: она признает свою вину, благодарит обвиняемого и согласна оплатить судебные издержки. Еще бы нет. Попадет дело в газеты – и прощайся с покупателями: покупаешь пуленепробиваемое, а его любой пьяный камнем разносит.

Адвокат от имени обвиняемого выдвигает фирме иск: халтурите, гады, а вот по вашей вине люди страдают. Ну, задел камнем – а вы что обещали?!

Друзья аплодируют. Поэт балдеет. И получает два месяца. Все-таки хулиганство имело место…

Поэт искренне благодарит суд, радостно целует через барьер жену и заводит руки за спину: куда идти.

– А вы где живете?

– Пока в лагере для перемещенных лиц.

– Вот туда и идите.

– Как?

– Это ваши проблемы. В вашей подписке о невыезде оговорено, что вы являетесь по вызову в суд и тому подобное за свой счет. Транспортом не обеспечиваем.

Поэт ничего не понимает. А сидеть-то… куда идти?

– Когда надо будет сидеть – вас вызовут. А пока ступайте.

– Позвольте, – говорит поэт, – но как же так? Мне ведь уже дали срок!

– Чем вы недовольны? Хотите начать отбывать наказание прямо сейчас? Это не предусмотрено.

– Но я же… могу сбежать! – возражает он.

– Куда? – удивляются они.

– Ну… в Швецию.

– Зачем? Вам никто не даст вид на жительство. Провести жизнь в бегах? А когда вернетесь – срок добавят. А после отсидки – лишат датского вида на жительство и депортируют. Так куда же вы денетесь?.. А жить на что будете?

Очень логично.

Тюрем в Дании не хватает. Новая тюрьма денег стоит. А какая ж это партия, пришедшая к власти, объявит, что собирается тратить бюджетные деньги на строительство тюрем? Народ их не поймет!.. Вот они и сидят по очереди. Нет, вы поняли?

А сбежит – и хрен с ним, нахлебников меньше: к нам уже не суйся.

И поэт привыкает жить под дамокловым мечом. И через полгода этот меч на него обрушивается в виде присланной анкеты на шести листах: какими болезнями болели? сколько психов в роду? рост, вес, приметы; профессия, хобби, какими видами спорта увлекаетесь; предпочитаете сидеть на солнечной стороне или тенистой? не помешает ли отсидка вашему бизнесу? хотите ли сидеть подряд, или по выходным уходить домой – но эти дни не зачтутся; а можно сидеть только по выходным, но это будет долго. И – подробный адрес тюрьмы, виды транспорта до нее, телефоны дежурного, коридорных и коменданта. Плюс листок с приглашением: такого-то числа к семи утра мы вас ждем.

Поэт идет сидеть, и у него растроганно влажнеют глаза. Камера на двоих. Телевизор в коридоре. Телефон в коридоре. Трехразовое питание может быть для больных диетическим.

Спортзал, библиотека, мастерские для любящих труд, с семи утра до девяти вечера хождение внутри тюрьмы свободное. Бумага, ручка, писать стихи сколько влезет.

– Шекспир был гений, – шепчет поэт. – Весь мир тюрьма, но Дания – да, образцовая. На месте Гамлета я бы не дергался… в России он не жил! принц, понимаешь.

А тюремщики объясняют дополнительно, что вообще-то с его нестрашной статьей можно хоть каждый день ходить в город – с восьми утра до восьми вечера, но предупреждать надо заранее, и пропавшие обед и ужин, на которые он имеет право, ему тогда не возместят, и срок за этот день будет засчитываться наполовину. Зато можно днем ходить на работу, а ночью сидеть в тюрьме. Многие так и поступают, чтоб место не потерять.

Никто еще не садился в тюрьму с такими грандиозными планами и энтузиазмом – от графа Монте-Кристо до Ульянова-Ленина. Поэт будет писать, читать, совершенствовать датский язык и заниматься спортом. Что может быть прекраснее и могущественнее мечты? Только лень.

Поэт нажрал бока, научил сокамерников преферансу и пристрастился вступать в дискуссии с пастором по разным вопросам христианства. Как часто бывает, в тюрьме он впервые оценил все прелести абсолютной свободы.

– Я христианин! – решил он. – А следовательно – мое место в Христиании.

– Они же там все не моются, – робко заметила молодая жена на побывке. – От них пахнет.

– Это запах свободы, дура, – объяснил умудренный тюрьмой муж. – Хотят – пахнут, хотят – моются. И тебе никто не запретит мыться. Или пахнуть. Как захочешь.

Новое увлечение захватило его. О, почему здесь нет питерских друзей – чтоб они завидовали! тогда счастье было бы полным.

Он бросился сидеть плотно, без перерывов, – и после освобождения они поселились в Христиании.

О Христиания! Шведы предложили датчанам ченч: те закрывают Христианию, а шведы в ответ закрывают свою атомную электростанцию, которой датчане боятся: вдруг все отравит. Потому что шведская молодежь не просто сбегает через открытую границу в Христианию, чтоб предаваться там порокам группового секса и употребления наркотиков, но делает это иногда в качестве альтернативной службы, вместо призыва в армию.

Мы – независимое государство, гордо ответили датчане: подавитесь вашей электростанцией. И не закрыли.

Христиания – это небольшой район Копенгагена, расположенный на отделенном каналом островке. Фактически же – это полунезависимое полугосударство.

Мекка хиппарей всего мира – вот что это такое. Здесь впервые перестали преследовать за употребление наркотиков. Здесь впервые узаконили браки между влюбленными одного пола.

О Христиания! сладкий сон: «Раздолбаи всего мира, объединяйтесь!»

Границей служит зеленый штакетник у мостика. Фанерная арка расписана гостеприимно и нецензурно. Непосредственно за аркой тощие немытые мымры предлагают купить гашиш – это узаконенный промысел: плитка в пять граммов. Больше – закон слегка покарать может, а пять граммов – это как бы для личного потребления, это можно.

На крохотной булыжной площади вывихнутые из нормальной жизни свободолюбцы, юноши бледные и запущенные лет так под пятьдесят, торгуют самопальными сувенирами. Цены на сувениры напоминают таракана, прыгнувшего с шестом: и как такая маципуська забралась на такую высоту?! А потому что – столица хиппи: за престиж дерут с дурных туристов. А больше просто свои мелкие наркоденьги через эти псевдолавчонки отмывают.

И кто-нибудь обязательно лежит на пыльном булыжнике, демонстрируя степень раскованности. Правда, лежит недолго: жестко все-таки.

Одни живут в палатках, другие в шалашах, третьи – в совершенно благоустроенных домиках, хотя снаружи те домики сляпаны из жестянок и фанерок, а формой усердно уподобляются

то банану, то еще какой неприличной штуковине: как же, хиппи – да не постебаться, затем и живут.

Было лето, и поэт с женой построили в кустах шалаш. Это было нечто!

– С милой рай в шалаше! – шептал счастливый поэт, лежа на траве и читая стихи.

Чтобы правильно понять эту идиллию, к житью-бытью в шалаше следует присовокупить: бесплатный проезд в муниципальном транспорте, бесплатное медицинское обслуживание, регулярный выбор благотворительной малопоношенной одежды и шестьсот долларов в месяц на питание и самочинные расходы. Так что шалаш шалашу рознь.

Правда, наличествовала и бюрократия – даже здесь: им пришлось пройти «собеседование» в местном органе самоуправления, именуемом «советом старост»: всякую чистую шваль, знаете, не селим, докажите, что вы – наши. Пожалуйста! Вот вам стихи, вот вам Бог, вот вам таджикская война – и вот вам камень в ювелирную витрину в качестве протеста против буржуазного образа жизни, и даже последовавшая за демонстрацией своих убеждений тюрьма. О'кей, друзья, заходите и живите с нами.

Теперь – в последний раз перебьем наш движущийся к развязке сюжет неторопливым рассуждением о природе таланта. Талант – это перпендикуляр. Это заплыв против течения. Это презрение к толпе и неистребимое стремление выделиться из нее так, чтоб она удивлялась и уважала. Нонконформизм, в общем, и способность делать что-то такое, чего большинство не может, или не хочет, или даже не понимает.

Видимо, наш поэт был талантлив.

… – Через месяц, – рассказывал он, – я озверел. Слушай: они ничего не делают. Ничего!!! Они с утра заряжаются дурью и мутно смотрят по сторонам. Их никто не трогает. Они на хрен никому не нужны. Они тупы, как сибирские валенки. Они рассуждают о буддизме, не зная, кто такой Будда, и о зороастризме, не зная, кто такой Заратустра: и балдеют от своей гениальности. Это самоходные растения, это салат из моченой капусты! Мне захотелось загнать их на комсомольскую стройку и там сгноить, пока я не нашел им применение.

Я изумился: какое применение может найти ленинградский бездельник датским бездельникам, да еще в их собственной столице?

– Ты пей, пиво хорошее, – сказал поэт, подливая крепкий, черный, экстракачества карлсбергский портер и придымливая «Мальборо».

Солнце садилось в воду. Мы сидели в низких кожаных креслах у его коттеджика, живописно торчащего на зеленом взгорке под раскидистым дубом: идиллия!

– Они любят пожрать! – поведал он. – А тощие – только от лени. Я не понял, какое применение может найти поэт любви окружающих к жратве. Разве что заставить их питаться своей поэзией. Учитывая калорийность стихов, отощание бедных хиппи делается понятным. Не передохли бы.

– Жена любит жарить котлеты, – продолжал хозяин. – Она до замужества вообще любила готовить, просто случаев не предоставлялось.

Так вот. На арабском рыночке, в воскресенье под закрытие, вечером, мясные обрезки-остатки идут почти задаром. Гроши. От ворот хлебозавода хлебный брак берешь бесплатно, его для того и выставляют. Чуть-чуть подпорченные лук и чеснок после закрытия рынка просто валяются на земле – бери, пока не подмели. А растительное масло, срок реализации которого только истек, можно купить на оптовом складе за двадцать процентов цены, если договориться; а масло вполне хорошее.

Я понял, почему пахло жареным. Ох затравит он простодушных детей Европы, ох ходить им с гастритами и колитами…

– Себестоимость котлеты одна крона, цена – пять, и это очень дешево, – продолжал он рецепт своего преуспеяния. – А если к ней берешь рюмку водки – из аптечного спирта, он дешевле окномоя – тогда на все крона скидки. Когда они распробовали, что значит выпить

рюмку водки и закусить ее горячей котлетой, я открыл счет во втором банке. Заметь, никаких налогов. Банк в Швеции.

– И построил этот домик?

– Домик в две недели мне построили добровольцы за котлеты и водку. Я здесь теперь как бы главный кормилец и большой коммерсант. Туристская достопримечательность! Лоток видел?

Я видел лоток. Не иначе моряки специально доставили его с российской свалки, таких давно нет: ностальгия! Жестяной короб на велосипедных колесах был покрашен в родимый небесно-голубой цвет. И белая кириллица по борту навесила издевательскую дугу: «Ленобщепит, бля!» Кругом сидели хиппи и сытно рыгали. А за крошки дрались датские воробьи.

Жена пронесла полный поднос. Цепляющийся за ее джинсы карапуз угостил обломком котлеты датскую кошку.

– Почитай стихи, – пустил я пробный шар.

– С чего бы? – подозрительно поинтересовался бывший поэт. – Да пошел ты на… со своими шуточками. Скоро на рынок пора. А вообще надоело здесь – покормлю еще год-полтора этих бездельников и свалю в Америку. Куплю дом в Оклахоме.

– Почему в Оклахоме? – спросил я.

– Индейцев буду травить, – сказал он. – Пусть и они покушают. Охота мир посмотреть, пока молодой.

На месте совета директоров «Мак-Дональдса» я бы содрогнулся.

ПОСВЯЩАЕТСЯ СТЕЛЛЕ

Сейчас уже никто не сумеет ответить на вопрос, почему исследовательские суда Института гидрологии Академии Наук отваливали из Угольной гавани, и именно с Десятой элеваторной площадки. Вероятно, был в этом какой-то глубокий научный умысел, тайный для непосвященных.

И вот отход назначен на одиннадцать утра. Чтобы лучше представить себе картину, возьмем один муравейник, одну бутылку скипидара и один словарь тюремного жаргона. Теперь перемешаем и запустим в режиме быстрой перемотки. Возникающее у зрителя чувство назвать весельем безнравственно, поэтому назовем его состраданием.

Ящики таскают и роняют, руками трясут и на ногах подпрыгивают, брезенты свертывают и расстилают, от каров уворачиваются, пальцами пересчитывают, гонке часовых стрелок ужасаются и пот утирают. Сирены ревут, портальные краны звенят и ездят, – что называется, плавать по морям необходимо, жить не так уж необходимо и даже не очень хочется.

И в седьмом часу вечера, как водится, благополучно отходят. Переводят дух, сменяют мокрые рубашки и в половине восьмого топают по трапам на ужин. А корабельный ужин, если кто не знает, ничем не отличается от обеда, как правило, полностью его дублирует. Но есть и один нюанс. Хороший кок на отход готовит кислые щи. Это добрая морская традиция, причем чисто русская. Кислые щи очень хорошо идут с похмелья и облегчают разлуку с берегом. Гуманная и полезная традиция.

Перед щами экспедиция вкусно хлопает по стопке казенного спирта, после компота хлопает по второй, а хлопнув третью вылезает на палубу: курить на свежем ветерке и любоваться морским пейзажем. Конец всех подготовительных хлопот и начало рейса до прихода в район исследований – блаженнейшее время, и все блаженствуют.

Блаженствующий человек смотрит на мир оптимистично и победоносно. Он добр и склонен покровительствовать.

Все эти ученые и младшие научные сотрудники со своими бородами, очками и сухопутной лексикой курят в корме и быстро находят, кому можно покровительствовать. Потому что рядом у фальшборта курит свободный от вахты моряк, третий механик, как чуть позже выяснилось, и смотрит на удаляющийся вечерний берег с выражением необыкновенно печальным.

Они предлагают ему выпить и говорят слова о том, что жизнь прекрасна. С первым механик охотно соглашается, второе же его раздражает. Ибо вообще нет для моряка ничего оскорбительнее, чем когда на собственном борту сухопутная крыса пытается учить его жизни, даже если это ученая крыса с докторской степенью и благими намерениями.

Самая болтливая крыса оказалась профессором гидробиологии и после третьей имела обыкновение изъясняться особенно витиевато, нажимая на радости жизни даже у рыб и моллюсков.

Механик решил не уступать и тщательно облек грубость ответной мысли в наукообразную форму.

– Скажите пожалуйста, профессор, – вежливо обратился он, – а что думает современная наука по поводу совокупления гомо сапиенс с отрядом пернатых?

Ученые одобрительно протерли очки и настроили радостные уши.

– Со всем отрядом сразу? – пожевал губами профессор. – Или, э-э… по очереди? Я вообще-то, знаете, специалист по морским ракообразным.

– Экая гадость, – посочувствовал механик, как бы имея в виду морское ракообразное в роли сексуального партнера. – До чего только не дойдет наука. Нет, вот что-нибудь теплое такое, округлое… пушистое.

– Наука гарантирует, – заверил профессор, – что какое бы оно ни было теплое, круглое и даже пушистое, потомства от такого полового контакта не будет…

– Оно и к лучшему, – пробормотал механик.

– …но если вы имеете в виду судового кота, то он вовсе не пернатый, смею вас уверить. А вообще к скотоложеству наука относится так же, как уголовный кодекс.

– То есть?

– Отрицательно.

– Скотоложество возможно только на скотовозах, – отмежевался механик. – На обычных же кораблях может быть только один вариант скотоложества.

– Какой же? – купился профессор.

– Если любовник – скотина.

В замкнутом мужском коллективе эстетическая примитивизация индивидуумов происходит удивительно быстро, как будто выключатель щелкает. Всякая духовная утонченность закукливается мигом. Слушатели загоготали. Механик приосанился с видом победителя в научной дискуссии. Гоготанье помогало ему увязать нить беседы с изначально поставленным вопросом:

– Когда я служил срочную на эсминцах, у нас кок готовил гуся так. Он привязывал ему к лапкам веревочки, потом пристраивал гуся себе на… э-э… сзади ниже талии, а веревочки связывал у себя на животе, как раз над пряжкой ремня.

– И садился с гусем на сковородку? Гусь-табака по-флотски? Оригинально. Согласен.

– Нет, – терпеливо продолжал механик. – Сковородка потом. Он перетаскивал гуся вперед. Вроде как женщина может застегнуть бюстгалтер спереди, а потом перетащить на себе на сто восемьдесят градусов в нормальное положение, ну, чтоб удобней было, и тогда уже вложить… как надо… понятно. – Он очень старался излагать на высоте приличий.

– Действительно, если бюстгалтер сзади, то вложить как надо не очень удобно, – согласился профессор. Три стопки спирта были его нормой, и он чувствовал себя в ударе. – Нам остается выяснить, как кок использовал гуся вместо бюстгалтера и что он в него вкладывал.

– Как же? Мужской половой детородный пенис, – пояснил механик в медицинских терминах.

– Куда?!

Запас анатомической лексики механика был исчерпан.

– Гусю в жопу, – сказал он, интеллигентностью тона стараясь компенсировать ненаучность выражений.

Одни ученые очки упали на палубу и разбились.

– Зачем?!

– Зачем… Хм! Вы на флоте не служили? А, вы вместо этого учились в университете. Конечно. На эсминцах женщин нет, профессор, тем более студенток. Вот зачем.

Профессор покраснел и растерялся.

– И что же дальше?..

– А дальше самое главное. Он начинал медленно сворачивать гусю шею.

– И… какой же во всем этом смысл? – пытался держать марку глубокоуважаемый профессор Шумский, доктор биологических наук и автор двух монографий, с позором чувствуя себя недоучкой.

– А такой, – торжествующе зазвенел рассказчик, – что гусь хлопает крыльями и елозит, как отпетая… б… б… блядь! – Он свел машущие руки перед гениталиями и изобразил, как именно елозит гусь и как он при этом хлопает крыльями.

– Отпетая блядь, хлопающая крыльями… какой образный язык у моряков! – сказал ученый, у которого разбились очки, и теперь он воспринимал происходящее только на слух, стараясь ничего не упустить.

– И долго он так хлопал? – не выдержал профессор, живо представляя себе эту картину, способную свести с ума общество защиты животных.

– Зависит от желания.

– Гуся?

– Кока! Тут нужно умение. Гусь уже трепещет, и последний момент наступает, когда свертываешь ему шею окончательно! – Под этот танец умирающего гуся механик выразил лицом взрыв восторга.

Два юных аспиранта зааплодировали.

– Что ж с ним потом делали?..

– С коком?

– С гусем!

– Жаркое для офицеров.

Ученые хохотали, икая и кашляя.

– Послушайте, – печально спросил профессор, – почему вы такой циничный?..

– Потому что я вчера женился, – сказал механик.

Ученые легли на палубу и задрыгали ногами.

– На ком? – изумился его научный оппонент, не в силах перестать играть роль кретина помимо своей воли.

– На гусе, – сплюнул новобрачный с презрением к сухопутной тупости.

– Ох-ха-ха-ха!!! Гы-гы-кхх!.. Ха-ха-ххх!..

– Вы жене шею свернули? Или она крыльями слишком долго хлопала? – удачно съязвил профессор. – Печаль понятна. Кстати, из чего ужин приготовлен? Капитан в курсе?

Но механик, одержав явную победу в дискуссии, к ее продолжению утерял всякий интерес. Он махнул рукой, замолк, задумался, вздохнул. И без всяких смешков изложил взгляд моряков на то, какую надо выбирать себе жену. Фригидную. Потому что когда приходишь из рейса, и с такой хорошо, и ей терпеть лишь периодически. Зато в море на душе спокойнее, и жена может хранить верность без насилия над собой. Так-то… А если жена темпераментна, и вдобавок красива, то дома, конечно, замечательно, но это когда ты дома, а когда ты не дома, то дома замечательно уже не тебе, а тебе ничего замечательного, кроме злого воображения и одинокого сами понимаете чего. Никаких условий для нормальной работы! Жизнь…

– А она красивая. И вообще… И прямо после свадьбы – на два месяца в рейс. Чему ж тут радоваться.

И тут ученые вникают, благородно вопят о счастье и верности, хлопают его по плечам, поздравляют, наливают, составляют коллективную радиограмму с пожеланиями счастья и вообще окружают заботой.

– Ты ее любишь?

– Именно…

– А она тебя?

– Видимо да…

– Как зовут-то?

– Стелла. Имя красивое. Звезда значит… – И ищет грустным взглядом звезду, которой полагается уже появиться в небе.

– Так как же ты можешь, что за глупости, гадостные подозрения, брось, ты что, все отлично, – и т.д., и т.п.:

– Это у тебя просто депрессия, бывает, пройдет.

– Поживешь подольше – тогда поймешь, что это тоже счастье: способность страдать в разлуке с любимой женой.

– Вот когда страдаешь без разлуки, и с нелюбимой – это хуже, мужик!..

А красное солнце вдавливается в горизонт, море блещет, чайки кружат, туманный берег тает вдали, и разговор о любви принимает все более прекрасный и возвышенный характер пропорционально понижению уровня спирта в канистре. Тем более что вдохновение самих ученых чудесно подогревается перспективой двухмесячного отдыха от семей.

Они, значит, вдохновенно рассуждают о любви и произносят за нее тосты, а механик говорит:

– В «Кавказском» в половине девятого оркестр начинает играть.

– Это ты к чему?

– Да я ее в «Кавказском» снял.

– Ну и что?

– А то, что она сейчас тоже, наверно, об этом думает…

– Пусть думает, чего плохого?

– А плохого то, что у нее мысли с делом не расходятся. Чего нельзя сказать о ногах, – не совсем внятно добавил он.

– Это в каком смысле?

– В таком, что расходятся.

– Что?

– Ноги.

– С чем?..

– Одна с другой. С чем. С тем.

– Все время, что ли?

– Нет. Как только появляются мысли.

– Да почему ты так думаешь?

– А как мне думать. Что ей еще делать-то.

– Да перестань, не знаешь ты женщин. Она сейчас о тебе думает, вспоминает…

– Знаю я женщин. Думает, вспоминает, а самой от этого еще больше хочется. Повспоминает-повспоминает – и поскачет.

Возникает пря. Стихийно организуется гуманитарное общество «Ученые за любовь и верность». Несут гитару. Профессор читает пятьдесят второй сонет Шекспира.

И тут в полной панике влетает тот ученый, у которого недавно очки разбились. Он пошел надеть запасные очки, и заодно принялся сквозь них смотреть на все подряд. И то, что он увидел, – вернее, то, чего он не увидел, – вышибло из него все мысли о любви и прочей хренотени.

– Забыли, – трагическим шепотом кричит он и умирает.

– Что забыли?

Забыли. Все бросаются пересчитывать свои драгоценные ящики, контейнеры и приборы. И выясняется, что один ящик с незаменимыми приборами они как-то, видимо, оставили на берегу. На пирсе, вероятно. В суете. Там рядом еще штабель чужих ящиков стоял, и пока все скакали и кантовали свой груз, что в какую очередь на борт волочь, один ящик, наверно, отставили в сторону, да так и забыли. И теперь без этих ценных и уникальных приборов никак в экспедиции работать невозможно. О-ё-ё…

Орут друг на друга, машут руками, хватаются за головы. И валят толпой к капитану.

Выходит капитан. Что за бунт на борту, что за научно-техническая революция?! Излагают проблему, каются, убиваются, и с горячим убеждением тычут пальцами в сторону Ленинграда. Капитан багровеет, скрывается, и выходит обратно из каюты уже в официальном виде, при фуражке. Застегнутый и злой, как цепной сторож, по совместительству работающий и овчаркой.

Ледяным тоном он характеризует состояние современной науки, взывающее к телесным наказаниям и сексуальным надругательствам; и поднимается на мостик. Переговаривается с

портом. Срывается на мат. И, благо пару часов всего как вышли, корабль ложится на обратный курс.

Ученые облегченно переводят дух и даже слегка веселеют. Возвращаются допивать. И с винными парами в ученые головы, отравленные ядом материализма и эмпириокритицизма, закрадывается человеконенавистническая (как позднее оказалось) мысль – поставить на живых людях, своих согражданах и братьях, можно сказать, научный опыт с целью проверки сомнительного ленинского тезиса насчет того, что практика есть критерий истины. И профессор кричит:

– Давай сюда этого Отелло! И всем молчать. Сейчас я ему устрою… гуся с крыльями… паршивец. Сопляк.

Доставляют механика. Профессор отводит его в сторонку. Подзывает двуочкового паникера. И говорит механику:

– Значит, так. Никому ни слова. На самом деле мы возвращаемся из-за тебя. И я тебя заставлю убедиться, кто знает жизнь и женщин. Ты меня понял?

В самом деле, предоставляется дивный, фантастический случай: разрешить все сомнения, воочию убедившись, чем же наконец занимается подозреваемая новобрачная.

Механик теряет дар речи. Очкарик въезжает в ситуацию и начинает кивать в подтверждение так энергично, будто хочет снова стряхнуть на палубу очки, что ему и удается. Профессор вцепляется в жертву и волочет в ученый круг:

– Я предложил нашему другу пари на ящик армянского коньяка. Мы спорим, что жена ему верна. Разбейте руки! Все. Вот за это мы и выпьем, когда после рейса он выставится.

Изумленный механик осознает, что ему предлагают беспроигрышную лотерею: или жена блюдет святость семейного очага – или в комплекте к рогам бесплатно прилагается ящик коньяка: в качестве анестезирующего средства, так сказать, при этой болезненной для некоторых процедуре прорастания. Почему-то эта перспектива его не радует. Он реагирует неадекватно:

– Вы хорошие люди, – прочувственно говорит он. – Как-то и неловко обдирать вас на ящик коньяка.

Экспедиция хохочет. А механик смотрит на часы:

– Приняла уже. Уже танцует… животом трется…

– Проспорить боишься?

– Знаете, – обижается механик, – говорят, спорят дурак и подлец: дурак – кто не знает и спорит, а подлец – знает и спорит. Я не хочу ничего плохого сказать о присутствующих, но подлецом быть неохота.

– А рогатым охота…

Возникает горячая дискуссия о доминирующей роли двух упомянутых категорий населения как в семейной жизни, так и в ее разрушении.

– Ты давай коньяк готовь!

– Товарищи… не надо, а? Давайте повернем обратно!

– Поздно!

– Вы не имеете права! – упирается механик.

Но покровительство науки над новобрачным приняло необратимый характер. Натренированные опытами на крысах и мушках дрозофилах, ученые вцепились в жертву с хирургическим уже интересом.

Пенный след за кормой, и близится загадочный берег.

И два часа до порта все больше накаляется это противоестественное препирательство: все – верна! муж – фигу вам! Примеры из литературы, науки и жизни! Уже плевать на жену, уже коньяка хочется. Уже и на коньяк плевать, дело в своей правоте и понимании жизни. На принцип дело пошло.

Ученые поют гимн верности, а механик, тля, ведет хронометраж:

– Уже снялась моя Стеллочка. Уже коленками под столом трутся… Уже он трюльник швейцару кидает такси подогнать…

И приводит всех в бешенство своей тупой несговорчивостью.

В два ночи пришли. Только ошвартовались – депутация скатилась на стенку, у ворот порта хватают две тачки и мчатся по указанному адресу.

Выскакивают у подъезда, как группа захвата. Возглавляет механик с ключами, следом – профессор с фонариком. На цыпочках по лестнице.

– Тс-с!.. – шипит у дверей механик. – Фонарик рукой прикрой.

В квартире накурено. На вешалке – мужской плащ.

– Ну?! – торжествующе указывает механик.

– А не твой?..

Остатки лирического ужина на столе. Две рюмки, две вилки, недопитая бутылка. Пепельница бычков.

– Теперь-то поняли?!

Пиджак на спинке стула, туфли сорок пятого размера.

– Так с кем вы спорили, салаги? – победно хмыкает механик. Берет у окаменевшего от неожиданности профессора фонарик и светит на подушку.

Симпатичная такая светленькая женская головка, и рядом – ядреный чан с усами и бакенбардами…

Мужик щурится под лучом, различает мрачную толпу в темноте, и в ужасе выкатывая глаза пытается сделать вдох.

– Вылазь, – страшным шепотом командует механик.

Мужик дергает ртом и падает на пол. Убивать его пришли.

– Бери шмотье и вали мигом. А то передумаю.

Тот хватает штаны и исчезает, вот он был – и нету. Это ведь в анекдотах смешно – «муж вернулся», – а в жизни бывает кошмарно.

Толпа застыла. Говорить нечего. Как бы тоже страдают.

– Ладно, ребята, – говорит механик. – Кина больше не будет. Вы свое сделали. Идите теперь все. На судне увидимся.

А оставшись вдвоем со спящей пьяной женой, механик вздохнул душераздирающе, опустился на стул, закурил. Слил в стакан остатки из бутылки и засадил. Курит и на жену в темноте смотрит.

А делать нечего. До утра далеко. Мыслей никаких не собрать, да и выпито изрядно. В сон клонить стало. А что еще делать.

Разделся он и лег в кровать. К жене под бок. Голая, теплая, посапывает уютно и ногу на него закидывает. И совершенно понятно и естественно, что через какое-то время вступает он в обладание законной и желанной, хотя и вероломной, супругой.

И она, медленно пробуждаясь от сна таким комфортным образом, начинает разделять его страсть, впивается ногтями ему в спину и вскрикивает:

– Сашенька!..

На что получает хмурый ответ в ритме движения:

– Какой я тебе… на хрен… Сашенька… сука!.. Виктор я… муж твой… законный!!!

Дыхание ее останавливается, она открывает глаза, и судорога безумия поражает ее тело. От боли в заклещенном месте он вопит и взлетает в воздух, и дергает ее за собой, как на буксире, и тут уже истошным криком заходится она. И эта нечеловеческая композиция, эти сиамские близнецы из фильма ужасов, скачут по комнате и орут, сметая мебель.

Реакцию благодарных и любознательных соседей нетрудно себе представить. Сначала приехала милиция, и лишь потом вызвали «скорую». Бывалые ребятки в джинсах из-под хала-

тов вкатили ей релаксанты, расслабили мускулатуру и покончили с этим безобразным положением.

Милиция бессердечно похмыкала и укатила, «скорая» же задержалась, потому что несчастная баба не прекращала монотонно подвывать, и глаза у нее горели диким внутренним огнем. В этом огне пылали и рассыпались ее представления о действительности, ибо не может разум примириться с таким бредом наяву, как проводить мужа на два месяца в море, снять в кабаке хахаля, заснуть с ним в койке – и проснуться с мужем. Это же сумасшествие.

От сумасшествия ее лечили два месяца. В дурдоме.

Через два месяца он вернулся с моря, она – с Пряжки, они опасливо встретились и развелись к черту.

Ученых механик с тех пор ненавидит. Профессор при виде его переходил на другой борт.

А в «Сайгоне» скоро появилась обретшая знаменитость барменша Стелла, которая, последняя от входа стойка слева, варила лучший в Ленинграде кофе, ценимый знатоками, пока в восьмидесятом году не съехала перед самой Олимпиадой на постоянное место жительства в Канаду. Она строила мужикам глазки и посмеивалась, но близко знавшие ее люди утверждали, что вообще она предпочитает женское общество. Что тоже можно понять.

МИЛЕДИ ХАСЯ

Если от Петербурга вести по карте налево и вниз, то ваш палец скоро окажется в Европе. Тот, кто откроет способ так же легко и дешево перемещать в Европу не только палец, но и все тело… но тогда, вероятно, Главное управление пограничной охраны и таможен начнет выпускать карты с мышеловками на границах. Пока они до этого не додумались, ведите скорей палец вверх и он попадет в Англию – и постарайтесь не промахнуться, чтоб не попасть в Гренландию, там нам ловить нечего.

Англия – родина европейской демократии, Шекспира и фунта стерлингов. Стерлинг в переводе означает серебро. Перевод помогает понять разницу между Англией и Россией, где исторически привыкли фунтами мерить лихо.

Теперь отточите на пальце ноготь и найдите город Шрусбери. Городишко небольшой и даже скучный, однако скандалы и там случаются. Устаревшим и наивным выглядит сегодня утверждение, что за любым международным скандалом кроется рука Москвы; Москве давно не до чужих скандалов – своими всех развлекает. Но, как любил говорить легендарный английский разведчик Арминий Вамбери, «старые истины самые верные – они проверены временем». Ковырни чуть глубже любое примечательное событие: без наших людей не обошлось. И мы научились обретать в этом известное патриотическое удовольствие. Мы тоже в мире кое-что значим.

Не обошелся без наших и захолустный Шрусбери: три года назад девушка Хася увеличила его население на одного человека. Вообще-то мама назвала ее для красоты и маскировки Наташей, но это была попытка обмануть природу столь же безнадежная, как назвать кошку Полканом. На ней было написано, что ее зовут Хася, вот все ее так и звали.

Хася мечтала о красивой жизни. Без бандитов, грязи, невыплаченных зарплат и проституции как базы материального благополучия девушки. Она была романтиком. А вы им в юности не были?.. пока суровая действительность не отрезвила вас… но о вас будет другая история.

Но ее романтизму пошли навстречу добрые и услужливые ребята. Они организовали в Петербурге фирму по предоставлению компаньонок приличным семьям в приличных странах. Они носили турецкие кожаные куртки и итальянские шелковые галстуки и ездили в джипах-«Чероки». При виде их хотелось перейти на другую сторону улицы и проверить бумажник в кармане и золотые коронки во рту.

– Что бы о нас ни говорили, мы честные люди, – пожаловались они Хасе. – Вы оплачиваете только оформление документов и почтовые расходы, и только в рублях. Остальное, после вашего прибытия на место, платит нашей фирме хозяин, у которого вы живете, питаетесь и, между делом помогая что-нибудь по-семейному в доме, получаете деньги на личные английские удовольствия. Расписаться вот здесь… возьмите, пожалуйста, копию контракта. Билет? бесплатно, девушка, что вы – платит за все фирма!

Хася еще не знала, что бесплатным бывает только сыр в мышеловке.

И она, спотыкаясь на каблуках, побежала на курсы английского языка, освежать школьное «Пит хэз а мэп». А вечерами читала историю Англии: дивная страна! – буковые аллеи, умеренный климат и нерушимый традиционный порядок. Порядок представлялся в виде вежливых стройных констеблей, подающих забытые покупки.

Через полгода добрые ребята позвонили: на старт! Почтенное семейство в столице старинного графства сучит ногами в нетерпении: когда же она падет в их британские объятия?

И лайнер взмыл из Пулкова – как пели английские бомберы полвека назад «на честном слове и на одном крыле». Нет, с крыльями было все в порядке, но насчет честного слова тут кое над чем можно было бы и задуматься.

Глаза у Хаси, свалившейся с неба в Лондон, были, как вы догадываетесь, по чайнику, а уши развешаны, как у слона, когда он после купания сушит их с прищепками на бельевых веревках. В Хитроу она сразу увидела представителя фирмы: он был в турецкой кожаной куртке и итальянском шелковом галстуке. Он проверил адрес и запихал ее в автобус, снабдив на дорогу пакетиком чипсов. И через четыре часа она прибыла в Шрусбери, исполненная готовности жить красивой жизнью.

Если вам когда-нибудь удавалось пожить красивой жизнью, напишите мне, и я заплачу за рецепт договорную цену, а то уже старость близко.

Потому что почтенное семейство, состоявшее из нестарых супругов с тремя буйными детьми, нуждалось скорее в Дяде Томе со всеми трудоспособными неграми из его хижины, нежели в интеллигентной петербургской девушке. Коттеджик был двухэтажный, а дети были помесью шейкера с саранчой. Уяснив объем плановых работ, Хася впала в коматозное состояние, из которого ей не хотелось выходить. Вы слышали об экспериментальных чудо-домах, мечте хозяйки, где все делается автоматически, по щучьему велению? Вот «неприхотливой и работящей девушке из России», как гласил рекламный проспект разбойничьей фирмы, и предназначалась роль такого автоматического чуда, по совместительству – щучьего веления. Может, «неприхотливая и работящая» и справилась бы, пыхтя и отдуваясь, но Хася была из интеллигентной петербургской семьи, и совсем не для того назвала ее мама Наташей, чтоб она изображала взмыленного робота с характером доброй феи в десятикомнатном гнезде великобританского бумагопромышленника, хоть он и поставляет сырье для всемирно знаменитого бристольского картона.

Слушайте, об этом можно писать роман в пять раз толще «Джен Эйр». но поскольку вам некогда читать романы, а мне некогда их писать, не говоря о газете, которой некогда их печатать, то я рассказываю вкратце, а подробности вы себе легко можете представить.

С шести утра до половины седьмого Хася проклинала свою жизнь, а затем приступала к следующему пункту распорядка дня: она варила овсянку. На это варево не польстилась бы и гиена. Хася не умела готовить. Но дети ели. Они были юные британцы, потомки Империи, и ели все, что могли разжевать.

Пеленки самого юного отпрыска машина стирала автоматически, и если бы при машине не было Хаси, номер с автоматизмом у машины, может, и прошел бы, но Хася управляла процессом, и психологически несовместимый с русской душой германский агрегат капитулировал и издыхал, пуская мыльные пузыри.

Кроме того, у нее обнаружился пространственно-временной идиотизм и, уходя за покупками к обеду, она приносила к ужину совсем не то, что отчаялись съесть англичане три часа назад. Реакцию хозяйки можно объяснить только железной английской выдержкой. Но через месяц такой жизни леди Макбет по сравнению с хозяйкой показалась бы сестрой милосердия.

Через месяц же Хася впервые получила денежное довольствие – шестьдесят фунтов на карманные расходы. Остальное, по контракту, получала фирма; пункт был замаскирован столь хитро, что обалдевшая компаньонка еще неделю не могла понять разъяснений хозяина. А поняв, зарыдала ему в плечо.

Хозяину было приятно, что Хася рыдает ему в плечо. Потому что она была красива. У нее были черные кудри, карие глаза, стройная фигура и высокая грудь. В отличие от хозяйки, которая, как истая англичанка, сделала бы честь конкурсу гибридов лошади и селедки.

Хозяин стал утешать Хасю. Он подарил ей деньги на экскурсию в Бирмингем и дал выходной. И сам вместо деловой поездки сгонял в Бирмингем. Там он покормил ее в ресторане, купил недорогой браслет, снял номер в отеле и утешил ее тем древним способом, который ограниченные мужчины полагают предельным.

Скотч и портвейн были выдержанными, чего нельзя сказать об одинокой Хасе, выдержка которой кончилась, и она наконец явила хозяину, чего она стоит на самом деле и для чего

предназначена матерью-природой; и утешитель узрел небо в таких алмазах, что будь он не картонажник, а ювелир, то мог бы подгрести под себя весь концерн «Де Бирс». В ней вообще было призвание скорее к этому, нежели к варке овсянки. И хозяин, как истый британец и бизнесмен, проанализировал ситуацию.

Жениться на русской модно, а на молодой и красивой – приятно и престижно. Не вредно и для деловых контактов. Дело обычное: сколько звезд вышло из секретарш и экономок посредством, как бы это выразиться, личного обаяния.

В результате не прошло и года, как хозяин развелся, джентльменски оставив жене дом с барахлом и дивные алименты, и женился на Хасе. Он бы, возможно, и не женился, но, крепко наживив червячка на крючок, она отказалась иначе ложиться с ним в постель. И он трезво рассудил, что ж за глупость все равно платить деньги и не получать за них удовольствие.

История была бы банальной, если б этим кончалась. Но это отнюдь не конец нашего краткого и насыщенного романа.

Потому что хозяйка на свои алименты сдала старших детей в приличный пансион, младшему наняла новую няню (только англичанку!), а сама засела за отделы объявлений газет и законтрактовалась на год в загадочный Петербург: посмотреть, откуда взялось такое чудо, как Хася. Очевидно, зрение у нее было что надо, потому что через год Шрусбери вообще прибалдел. И было от чего.

Она вернулась из Петербурга с русским мужем. Он был молод, красив, высок, и по сравнению с ним прошлый муж выглядел эскимосом, забывшим посморкаться. Правда, в нем быстро открылось решительное отвращение к любого рода деятельности, кроме езды на машине и игры в карты. Если за лихость езды с него взимала деньги полиция, то за игру он сам лихо взимал со всех, кто имел наивность с ним перекинуться. Жена утешалась тем, что джентльмену и плейбою это даже идет, а что касается денег, то у нее ведь был некоторый постоянный доход. Но благодаря его успехам постоянный доход начал как-то превращаться в переменный.

Тесный городок, хвосты семейных связей, – естественно, он не мог в конце концов не познакомиться с Хасей. И они сочли, что вполне созданы друг для друга.

Любящие сердца устремились к соединению, круша обломки семейного быта несчастных англичан с танковым грохотом. Английская жена научилась бить посуду, а английский муж бил себя по голове. А Хася с каталой летали загорать в Испанию и развлекаться в Париж. Наконец-то настала красивая жизнь; причем фирма-посредник, получается таким образом, выполнила-таки свои обещания!

Когда газетчики скандальной семейной хроники истощили свое остроумие, а английские пациенты истощили свое терпение, любовный четырехугольник совершил очередную рокировку. Пары утряслись по национально-ментальному признаку, невысморканный эскимос обнял свою селедку, дети обрели отца, а Хася с каталой нагло венчались в городской мэрии по англиканскому обряду.

Англичанин стал зоологическим шовинистом и жертвует деньги лобби, проталкивающему законопроект о запрете иммиграции в Англию. А Хася родила ребенка, от рождения получившего все права гордого бритта, и живет как добропорядочная леди. И когда англичанин встречает на улице этого пацана, растущего и здоровеющего на его кровные денежки, он спешит в церковь и горячо молит Бога отвести от него искушение в смертоубийстве.

РЫЖИК

…Легче перепрыгнуть, чем обойти. Росту в нем сто семьдесят, а веса – сто три килограмма. Эти сто три килограмма он три раза подтягивает на одной руке.

Из одежды по этим причинам предпочитает тренировочный костюм и безразмерную кожанку.

Масть рыжая, веснушки россыпью, нос картошкой, и над добродушнейшими глазками ресницы бесцветные хлопают.

И украшен этот пейзаж златой цепью на манер лорд-мэрской, однако висит на ней не ключ, а откровенный могендовид.

Если б этот парнишечка (сороковник разменял) работал натурщиком у художников-антисемитов, мог бы зарабатывать неплохие деньги. Он и зарабатывает неплохие деньги, но немного в ином качестве. Начальником охраны в одной скромной московской фирме. Фирма свою деятельность не афиширует и на «мерсах» не ездит, но стоит настолько неслабо, что организует всякие международно-культурные сборища и вбивает в благотворительность немереные деньги. А вот такие там ребятки с интеллигентными идеалами подобрались. Все бывает.

И вот в этом-то городишке, где национальным видом спорта стала стрельба по движущимся мишеням, колорит а'ля рюсс, фирма эта крыши не имеет. Крышей работает Рыжик лично.

«Понимаешь, волк ведь в лесу – он не всех дерет подряд, тоже разбирается: зайчик там, барсук, олень. А вот стоит кабан, секач с клыками, боец. Тут серьезно подумать надо. Да ну его на хрен, еще неизвестно, чем кончится. Пойду поищу что-нибудь полегче…»

Тут он как-то в хорошем подпитии провожал друга с Казанского вокзала и только возвращается к ожидавшей машине – вечер, темь, – подходит милая такая девушка с сигаретой и осведомляется насчет зажигалки. Лезет безвредный пьяный толстяк в карман – и получает в лицо струю из баллончика. Уклониться он успел не совсем, нюхнул чуток газку и озверел. А периферийным зрением ловит: двое ребят уже подбегают к нему. Один поехал в реанимацию с переломом позвоночника, второй – с разрывом печени, девушка отделалась переломом руки. «Я все-таки немного подстраховывал, чтобы не убивать. Ситуацию ведь я контролирую». Это оказалась мелкая банда молдавских гастролеров, которую три месяца «не могли» взять.

Всегда симпатичен контраст: внешне человек не может ничего, а на самом деле – все. К Рыжику надо присмотреться – тому, кто понимает, чтобы учесть, что толстые ручки у него в запястье шириной с колено и неплотно прилегают к бокам – под жиром мышцы мешают, и славные глазки иногда принимают выражение, по сравнению с которым актер в роли убийцы – это мать-героиня.

Из кадров он уволился в тридцать семь лет. Спецподразделения рассыпались. Последняя должность его в армии была – инструктор рукопашного боя группы «Альфа». На минуточку. Это трудно себе представить, что должен уметь человек, чтобы в группе «Альфа» быть инструктором рукопашного боя.

Так, вдобавок этот еврей-толстяк-убийца-супермен женат на кореянке. Это не совсем обычная кореянка. Ее дедушка (в переводе с корейского на более доступный нам японский – сэнсэй) до сих пор протыкает пальцем стены, разбивает взглядом бутылки – и тому подобные восточные развлечения. Вы много встречали евреев-альфовцев, которые в отпуск ездят на деревню к дедушке в Корею и там совершенствуют свое рукомесло как дань родственному уважению? Дедушка мечтает, чтобы Рыжик переехал в Корею, и было кому передать свою школу боевого искусства, но Рыжик не хочет в Корею насовсем, потому что там нету евреев и не с кем поспорить о Талмуде и ТАНАХе.

А дедушка души не чает во внуках, рыжих и узкоглазых. Можете себе представить эту гремучую смесь!

Сам-то Рыжик в детстве был существом кротчайшим и забитым. Родом он из местечка под Винницей, классическая черта оседлости. И его собственный дедушка был отнюдь не бойцом. Близко не. Его дедушка был цадик. И не просто цадик, а какой-то уже в особенности почтенный цадик, к которому еще в старые времена знающие люди приезжали со всей Украины, чтобы потолковать о разных святых, но спорных и малопонятных вещах.

Взгляды на святость у дедушки были свои. И он вбивал их во внука в буквальном смысле – палкой по хребту. Невинный хребет отдувался за непослушную голову, которая не успевала вмещать трехтысячелетнюю иудейскую мудрость в дедушкиной интерпретации. Мудрец был хил, но крут. Легок на слово и тяжел на руку.

Тору требовалось знать так.

Дедушка раскрывал книгу наугад и накалывал любое слово иголкой. Нужно было продолжать читать текст наизусть со слова, проколотого не на этой, а обратной, невидимой стороне листа.

Имея натурой копию дедовской, мальчик уважал Писание, но категорически не принимал то, что ему не нравилось. Не нравилось ему уложение о наказаниях, а в особенности его неукоснительное применение. Два полушария юного мозга работали в двух диаметрально противоположных направлениях: одно учило хитросплетения иудейского Закона, а другое алкало мести и торило пути к ее осуществлению.

Поднимать руку на дедушку-цадика было решительно невозможно, но нигде не написано, что нельзя бить всех остальных. Но можно-то оно можно, да кто ж ему даст? Он пробовал бить других мальчиков, менее преуспевших в учении, и в жизни стало одним горем больше: теперь его били все. Хилость и агрессивность – малоперспективное сочетание.

Тем временем мальчик пошел в школу, а в школе были спортивные секции, а в спортивных секциях был недобор, и его взяли на вольную борьбу – для пополнения списка. И вот там он, пыхтя и скуля от злости, стал возиться на ковре, изворачиваясь и напирая на противника всем своим петушиным весом. Он стал бегать, заниматься гантелями, а наибольшее наслаждение доставляло ему подтягиваться рано утром на дедушкином посохе, положив его на открытые двери кухни и сортира. Это был утонченный и даже философский род мести – превратить орудие наказания в орудие своей силы.

В борьбе плохо одно – противника нельзя треснуть. А секции бокса в школе не было. И в четвертом классе, получив третий юношеский разряд по борьбе, он стал ездить на бокс в райцентр. В пятом походя лупил полшколы, и из этой школы его в конце концов исключили вообще за рецидивистское хулиганство – была такая мера наказания.

Тут мнения в семье разделились. Мать плакала, отец держался за голову, зато дедушка встал горой в поддержку, беспрекословно заявив, что будущий великий цадик, надежда семьи, таки должен уметь за себя постоять среди неверных и идиотов, а все эти ложные школьные премудрости его, в сущности, только отвлекают от истинного знания.

Но поскольку учиться все-таки надо, результат этого неординарного коллоквиума оказался вполне в традиции соломонова решения: вундеркинда и хулигана поместили в областную спортивную школу-интернат.

О! Бодливого козленка пустили в огород. В шестнадцать у него были первые взрослые разряды по боксу, вольной и самбо, в семнадцать он стал чемпионом области среди юношей, в восемнадцать был кандидатом в мастера, и его взяли в армию – не за спортивные успехи, разумеется, а на общих основаниях.

На общих основаниях он не прослужил ни одного дня. Сначала естественным путем его зачислили в спортроту, оттуда забрали в спортроту округа, однако после выигрыша окружного первенства выдернули как бы вбок – в спортроту ВДВ, откуда перекинули в спецназ, где

недолго погоняли и промяли, как в молотилке, и перевели в часть, условно называемую особым отдельным диверсионным подразделением.

Вот там уже всерьез стали учить убивать всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Если серьезные курсанты-десантники сдают зачет по владению саперным и шанцевым инструментом в качестве холодного оружия, то элитного класса диверсант – это кошмарный сон общества противников смертной казни и предмет черной зависти трюкачей Голливуда. Он рубит руку листом бумаги, за семь метров щелчком метает в горло бритвенное лезвие и является тем бойцовым зверем, который есть тактическая единица сам по себе.

В семьдесят втором году их всемером кинули в Венесуэлу выправить положение у прокоммунистических партизан и взять один городишко, так уже по дороге они напоролись на два взвода американских рейнджеров, и стало у США двумя взводами рейнджеров меньше.

Их ребятки были во Вьетнаме, в Анголе, в Индонезии – солдаты Великой Империи. Ага. Впереди пятьдесят лет необъявленных войн, и им подписали контракт на весь срок.

«И вот, значит, в начале осени семьдесят третьего опять переводят меня в некую отдельную сводную роту хрен знает какого неясного назначения. Комиссия, анкеты. И в лагеря – притереться на взаимодействие.

Странная какая-то рота попалась. Я вожу все, что ездит, и стреляю из всего, что заряжается. А тут и спецназ, и морпехи, и саперы – ни хрена не понять. И дрючат нас на протыкание обороны и уничтожение управления и связи. При чем тут я?! Это чистая задача десанта.

И тут оказывается, что есть еще занятия по языку. И не по какому-нибудь, а представьте себе, по ивриту! Ни хрена себе, думаю. Ага. И нас на иврите двое – я и еще один парнишечка с гебраистики Института военных переводчиков. Я еще смотрел – что за несколько козлов бестолковых, как это чмо сюда попало?! Так еще двое знали арабский.

Ну че, это уже проясняет картину. Можно понять.

В конце сентября нас всех переодевают в штатское, сажают в самолет, и вылезаем мы в Одессе. Сажают по машинам, везут. Куда везут – естественно, не знаем, но догадываемся. Можно представить.

Ночь, порт, пароход, трюм – закачало. Поплыли, значит.

Из трюма не выпускают, пищу доставляют, качать крепко стало, отдельные личности блюют. Материмся. Скучно.

Качать перестает, опять же ночью. «На выход! Вольно, не в ногу». Трап под прожектором, крытые грузовики у стенки и насмешливый голос из темноты: «И этих укачало!»

Привезли в какую-то пустыню под звездами, построили, переодели в непонятное обмундирование и еще выдали сверху какие-то белые бурнусы. Ну-ну. Ждем, когда скомандуют верблюдов седлать, мля! Засекретили…

Подходит какой-то хмырь с носом и усами. Нос морщит, усами шевелит. Среднее между клоуном и тараканом. «Мля, на кого вы похожи… Какой долбак вас так одел?.. Шлют тут, не спросясь! Ложись! Ползком!»

Ползем. Да что, думаю, за херня за такая.

«Стой! Кругом! Лечь на спину! Ползком!» Ползем на спине, такой кроль по барханам. Грюпнулся он, что ли?

– Хорош! Ну-ка… Ну вот, хоть не так вас в темноте видно в этих саванах. В грязи б вывалять, да нет ее здесь, мать их. Так. Сварщики есть среди вас?

Вопрос идиотский. «Сварка» – крупнокалиберный пулемет, чего ж из него не стрелять, но мы ж не специально пулеметчики. И тут один голос подает:

– Я сварщик.

– Слава Богу. Пошли со мной. Так, разобрались в колонну по четыре, правое плечо вперед, шагом марш!

Приводит в какую-то траншею, сварщика тычет к пулемету.

– Видишь – вот там огонек? Погаси-ка мне его.

Тот мнется и говорит:

– Да я вообще-то из пулемета не умею…

– Что-о? – скрипит наш усатый Карлсон. – А что ты тогда умеешь? Ты вообще кто такой?

– Так сварщик я.

– Так какой же ты на хрен сварщик? Ты чо вообще умеешь? Ну, прислали котят на мою голову!..

– Варить умею. Любые сплавы. Сварщик пятого разряда.

Мы валимся на дно траншеи и хохочем. Нет, это спектакль, за это деньги надо платить!

– Тебя откуда такого взяли?!

– Отдельный саперный инженерный батальон.

– Ну, сука, я чувствую, вы мне тут навоюете. – Капитан тычет из станкача в огонек длинной очередью, там гаснет. – И всего-то делов.

А мы что? Спрашивают – отвечаем, не спрашивают – молчим. Не такая часть, чтоб рассказывать кому ни попадя что не надо. Пусть наверху разберутся, что да как и куда нас сунули.

Наверху разбирались еще сутки, и за эти сутки нас выставили в оцепление полигона. Пока вели по косвенным приметам, наши арабисты сообщили, что мы, вероятнее всего, в Египте. Точно, в Египте. Логично.

На полигоне наши специалисты демонстрировали в действии новую ракету класса «земля—воздух» по низколетящим целям. Видимо, ракета была из тех, вместо которых арабы просили потом прислать им ракеты класса «земля—самолет». Либо же она работала исключительно по очень низколетящим целям, выбирая их по принципу меньшей высоты. Потому что самолет-мишень прошел квадрат без всяких помех со стороны этих зенитчиков. Зато где-то вдалеке ехал по гребню бархана «газик» с наблюдателями, так ракета разнесла его в мелкую пыль. Действительно, летел очень низко.

Очевидно, инцидент разобрали с тщанием и оцеплением тоже поинтересовались, потому что у носатого-усатого капитана нас забрали; прощался он с нами, как с родными, и все жалел за неумелость.

А началась ночью какая-то буча, из-за Суэцкого канала стрельба, раздали нам вооружение до зубов, вплоть до станковых гранатометов, поставили уже нашему собственному командованию задачу, и – по машинам, через понтон на Синай, утром ждать в районе задачу по рации.

При этом воды, как водится, по фляжке, и воду мы самостоятельно набрали в пару бочек, слив на хрен солярку. Воняет, но жить захочешь – напьешься.

Однако утром задачу нам не поставили, а напротив – запросили обстановку. Докладываем: обстановка спокойная, пляж чистый, жаль, что купаться негде. Приказ: укрепить и ждать.

Много ты на ровном песке укрепишься. Ждем. Днем: «Ну как?» – «Загораем». – «Ждите».

Так и переночевали. А на рассвете слышим рычание: танковые моторы. Приготовились к бою на всякий случай, запрашиваем наверх: так как, что? Ждите, отвечают. Мы-то подождем, так танки идут. Ах, как, кто, откуда, сколько? А уже видно: до хрена. Не менее полка, отвечаем. И получаем задачу: оседлать стратегически важное танкоопасное направление, держать и не пущать.

Нет, ты понял юмор? Собирать суперэлитную часть в качестве противотанкового заграждения. Вам привет из сорок первого года!

Ну что? Мин у нас нет, а если бы и были – ставить их некогда. Рассредоточились по гребешкам, загнули фланги, выделили резерв. Прикинули, как они будут пытаться нас обойти, как выгоднее пройти к переправе, которая теперь, стало быть, за нами. Ящики и всякое барахло навалили на наши ямки – заместо блиндажей.

Подпустили.

А они бодро так из башен торчат, люки водителей открыты, и головное охранение идет вплотную к походной колонне. Только что музыка не играет, мля. А у нас ПТУРСов четыре штуки.

Бздеть нечего, нам надо задержать их всего на час, и авиация поможет, и противотанкисты через час подойдут. Но взаимодействие в бою у израильтян и Египта налажено по-разному, и эту разницу мы ощутили на себе немедленно.

Потому что самолеты над нами прошли в две волны не египетские, а израильские. Первая волна, как мы узнали позднее, а поняли раньше, разбила аэродромы и сожгла на земле авиацию. А вторая очень профессионально, судя по всему, разнесла переправу.

Пока она разносила переправу, мы под шумок подпустили танки на семьсот метров и врезали со всех стволов. Шесть штук сожгли сразу – головное и боковое охранение.

Остальные попятились за барханы и стали по нам бить. Но, во-первых, танковая пушка хороша тем, что траектория у нее настильная, это не миномет, и снаряд далеко-о за барханом рвется. А во-вторых, танк – корова здоровая, его видно хорошо, а из него – плохо.

Пока они так постреливали, мы выдвинули с флангов две группы вперед и еще три машины им сожгли.

Тогда они справедливо решили пустить вперед пешую разведку. Не учли они только одного – что у нас каждый третий – снайпер. Перещелкали с одного выстрела.

Хрен с ним, решили, видимо: раз такие храбрые и упрямые – обойдем. И стали обходить нас справа.

Сожгли двоих ПТУРСами – перестали обходить.

А уже солнце палит, день вовсю, воду с соляркой хлебаем. Но только двое легкораненых, и боеприпасов до хрена.

Подобрались они за ближайший бархан, помахали белой тряпочкой и принялись орать:

– Эй, русские, кончай воевать! Вам-то здесь что? Гарантируем: вода, свобода, возвращение домой хоть завтра.

Наш арабист орет в духе, что арабы не сдаются, святую землю освободим, смерть собакам! Из-за бархана лопаются от хохота и отвечают:

– Мужики, кончай лапшу на уши вешать! Арабы, как же! А то мы не знаем, кто как воюет! Сколько вас там? Откуда будете, землячки?

Тут я ору на своем безупречнейшем иврите, что оборону держит противотанковая бригада, подходы минированы, и не фиг им тут ловить, сожжем всех. Со всеми ругательствами, которые знаю, а знаю я их много, потому что дедушка-покойник не ограничивал себя не только в руке, но и в языке.

Короче, двинули они массой на наш левый фланг, и быстренько двоих головных мы сожгли остатними ПТУРСами. На чем наступление прекратилось.

Если бы мы так берегли свою живую силу и технику – до сих пор бы стояли под линией Маннергейма.

Так весь день до вечера перестреливались потихоньку, а вечером сообщили по радио, что боеприпасы подошли к концу, держать нечем, врукопашную на танки не пойдешь. Или подбросьте – или отводите. Отвечают – постарайтесь ночь их не пускать, а там давайте к берегу – плавсредства перевезут.

В поту, песок под одеждой, мозги плавятся – а тут ночь, прохлада, чего не повоевать.

Они ночью попробовали обойти нас с двух сторон подальше. Но теперь сравни, как виден в ночном прицеле раскаленный танк и как поймать в него голову над барханом. Еще пару сожгли – и они успокоились.

Посветили ракетами, попалили последним для острастки – и бегом к каналу. Из плавсредств плавает у берега разве что дерьмо. Побросали в воду все, кроме личного оружия, – и вплавь».

За эту командировку Рыжику дали Красную Звезду. Хотя его старший лейтенант получил Героя.

В семьдесят девятом за афганскую командировку он получил Красное Знамя, будучи уже офицером в «Альфе». Затирали, подполковника не дали, и в конце концов это ему надоело.

А там начались новые времена, предпринимательство, общества еврейской культуры, и стал он цивильным человеком, хорошо зарабатывающим и уважаемым членом правления Московской еврейской общины. Абсолютный язык, абсолютное знание предмета и необыкновенная общительность и пробивная сила.

И вот на праздновании Дня независимости Израиля, на приеме в посольстве по этому случаю, сидит он за столом как раз напротив знаменитого ветерана посольских дел в СССР, лично посла Арье Левина. Пьют, закусывают и приятно беседуют о разном. И Арье Левин, человек резкий и крутой, несколько даже неприятно удивлен тем, что у Рыжика классический иврит чище, чем у него, а знаний в Законе бесспорно больше. И после очередной рюмки переводит мужской разговор на табак, вино и оружие.

И Рыжик, хлопнув крепко, рассказывает ему всю эту историю.

Арье Левин долго молчит, чернеет лицом. Протягивает руку к бутылке водки и наливает ему не в рюмку, а в фужер. И себе в фужер. Мрачно чокается и выпивает. И после этого произносит:

– Парень, ты сейчас насрал мне в душу. Ты клянешься, что вас было семьдесят?

В октябре семьдесят третьего года подполковник Арье Левин командовал головным батальоном в бронетанковой дивизии «Бен-Гурион», которую Рыжик с ротой и держал сутки.

Вот так становятся друзьями.

РЕЖИССЕР В ЭРОТИКЕ

Нет ничего ошибочнее, чем представление о народе на основе анекдотов и мимолетного знакомства с его выпивкой и закуской. Чем больше выпивки и чем меньше закуски, тем ошибочнее представление.

Теперь представьте себе российского туриста, который в добрые советские времена посещал Эстонию, эту маленькую свою Швейцарию, и там не пил. Наше воображение утеряло границы в фантасмагориях последних лет, но представить себе такое все-таки отказывается. Тароватый гость пересекал эстонскую границу, прозрачную до полной необнаружимости и условную, как число «пи», имея обдуманный план. План открывался питьем горячего глинтвейна в романтичной подземной трубе под названием «Каролина», развивался дегустацией фирменного сорокапятиградусного ликера «Вана Таллин» в варьете с запретным почти стриптизом, догружался приемом доброго пива и злой водки в сауне гостиницы «Виру» и достигал кульминации большим боевым разворотом в ресторане «Глория», славным вышколенной обслугой. И когда утомленный счастьем боец рушился мордой в салат, ледяную вежливость официантов он и расценивал последним проблеском сознания как вялость и унылость темперамента. Способность к сравнительному анализу покидала разгоряченный и остывающий мозг последней, и это сравнение было не в пользу эстонцев: дома в такой ситуации он успел бы увидеть каждым глазом сноп летящих звезд толще, чем на картине Героя Социалистического Труда художницы Мухиной «Колхозная жатва».

Таким образом, темперамент регулярно путается с привычкой кричать, дергаться и по кратчайшей прямой стремиться к физическому контакту с партнером. Образцом темпераментного мужчины турист считает неаполитанца, случайно севшего на трансформатор высокого напряжения, не оставляя при этом попыток руками попасть в карман вышеупомянутого туриста. Заметим, что зимой тридцать девятого года этнические собратья эстонцев, финны, тоже не кричали «ура» или «банзай», предпочитая сидеть тихо и стрелять молча, и результаты их сдержанного темперамента озадачили даже одного очень известного сына темпераментного грузинского народа, каковой сын и сам отличался замечательной выдержкой. В отличие от крикливых арабов и бешено жестикулирующих итальянцев, воевали финны исключительно. Это к тому, что пар у эстонцев есть, у них просто со свистком плохо.

Теперь делается понятнее, почему жена Георга Отса, отчаявшись в душевных качествах гинекологов, со слезами просила у проктолога справку, что ей нельзя, как сегодня выражаются, иметь анальный секс. Вне оперной и эстрадной сцен великий певец издавал мало звуков. Сын работяг и сам работяга, он предпочитал действовать без лишних слов. Не боясь конкуренции, тут он предпочитал, чтобы звуки издавали другие. А поскольку талант всегда замешан на темпераменте, в таланте же его никто и не сомневался, есть все основания посочувствовать его жене. Отс был Народным артистом, избалованным потаканием властей, и никакая цидулька от районного лекаря не могла воспрепятствовать отправлению его эстетических потребностей. В конце концов, навязчивой идеей жены стало постричься в монахини.

Отчаявшись, она пыталась опередить свое время и увильнуть от исполнения законных обязанностей таким изощренным ходом, как формирование у мужа представления о престиже и высоком смысле нетрадиционной сексуальной ориентации в мировых кругах вокалистов. Она ударилась в педагогику. В доме замелькали мальчики. И однако выходные выпадали ей гораздо реже, чем того требовала надорванная психика и прочие части тела. Зоркие глаза Отса неукоснительно замечали все, что шевелится.

Не заметить же Эви Киви было невозможно, а шевелилась она так, что по сравнению с ней газель выглядела газонокосилкой, страдающей болезнью Паркинсона. Она и сейчас еще ничего, а в девятнадцать лет при виде юной старлетки эстонские мужчины увеличивали паузы

в разговоре с обычных трех минут до полного забвения предшествующей фразы. Там была золотая грива, эмалевые глаза, невинно-чувственный рот, точеная фигура и ноги непосредственно от бюста.

Короче, как там про лед и пламень, стекло и камень, в чего-то разверстую угль пылающий водвинул, швейная машинка с электрическим приводом, и вообще в это самое время на Балтике произошел ураган, срывающий с домов все, что с них можно было сорвать, сметая ограды и кидая телеграфные столбы; история достопамятная старожилам. Это была любовь, и это была страсть.

В один из кратких периодов, когда стрелка барометра мирно указывала затишье, влюбленная пара зашла позавтракать в кафе. Это известное кафе называлось тогда «Москва» и располагалось на площади Победы. Сейчас это, наоборот, площадь Свободы, просторное же кафе, придавленное «Таллинн Банком», сократилось до размеров кукиша с умышленным названием, которое невозможно запомнить не эстонцу в третьем поколении.

Это было необыкновенное по изыску и бесприютности кафе. Там пахло парижской белоэмиграцией, обнищавшей до уровня последней чашки кофе. Европейский сквознячок студил зал. Улыбки чистеньких официанток выглядели наклеенными без старания. Нагое электричество падало на черные деревянные столы, и стерильный воздух отдавал пустотой и самоубийством. И струнный квинтет пилил классику. Здесь работали немолодые и чинные музыканты филармонии. Они играли хорошо, но неким необъяснимым образом все ноты ввинчивались в пространство по отдельности, и казалось, что каждая струна исполняет свои обязанности независимо от остальных. Эстонцы вообще большие индивидуалисты.

Серые туманные клочья ломились в стеклянную стену, и готические острия соборов неслись сквозь них. Утро было мокрым, хотя скорее мокрым был уже полдень.

И вот две звезды озарили своим светом и теплом эту хренотень. Шампанское вспенилось, кофе задымился, горячий шведский бутерброд зашкворчал, и млеющая официантка попросила автограф.

Через полчаса звезды отбыли, влекомые законами небесной механики по своей ослепительной орбите, и в пустом кафе остались на память скромным землянам запах дорогих духов, заграничных сигарет, королевские чаевые и грязная посуда. И млеющая официантка не сразу поняла, что мешает ей наводить порядок.

А мешало ей то, что на спинке стула висела черная сумочка крокодиловой кожи.

Умственно травмированная близостью к великим людям, официантка сообразила наконец, что к чему, вновь обретенная реальность открыла ей нехитрую связь вещей в природе, она схватила сумочку и бросилась к двери, ломая каблуки. Но посетители уже исчезли.

И вот тут официантка, душа наивная и восторженная, промашечку сделала. Ей бы сумочку гардеробщику сдать, и забыть про это. В обязанности гардеробщика входит хранить забытые посетителями вещи и возвращать их владельцам либо сдавать в бюро находок.

Она же пока оставила сумочку при себе. Пять минут она мечтала, как вручит ее лично забывчивой красавице и ее великому другу. На шестой минуте любопытство подпихнуло официантку на путь бессчетных жен Синей Бороды. Оправдывая себя тем, что вдруг это неизвестно чья сумочка, уточнить надо, она служебной походкой проследовала с предметом в туалет и щелкнула задвижкой.

Отсутствовала она столь долго, как если бы накануне поужинала веревкой. Когда же дверь неуверенно приоткрылась, оттуда боком, как мороженый краб, вывалилось странное существо. Ротик у существа был круглый, глазки квадратные, и вообще геометрия лица искажена в стиле кубизма. Держа на вытянутых руках тикающую бомбу в крокодиловой коже, существо переместилось на кухню и рухнуло на поднос с посудой.

Судомойка сдержанно удивилась. Официантки собрались в круг. Запахло валерьянкой. Пострадавшую привели в чувство. Она помотала головой, уцепила под локоть подругу и потащила в угол. И что-то показала.

Работа кафе дала сбой. Запахло горелым. Клиенту вручили вдвое уменьшенный счет. Бармен на сто граммов коньяку налил вместо обычных девяноста трех сто два. Все находились под явным воздействием искусства, и воздействие было нестандартным и облагораживающим.

Сумочку сдали гардеробщику. И он приобщился к искусству последним. Среди мелкой женской дребедени лежала пачка фотографий. И там было на что посмотреть.

Это победа зрения над разумом. Это не просто любовь. Это гимн многообразию страсти и невообразимым ее возможностям. Это карта звездного неба от Рака до Водолея и география первородного греха от Франции до Индии. И гардеробщик выпадает из гардероба на руки заинтересованному швейцару.

Здесь уместно припомнить, что места швейцаров и гардеробщиков по неписаным правилам резервировались за отставными офицерами госбезопасности. Это было гуманно по отношению к ним и логично по отношению к прочим гражданам.

Коллеги провели летучее совещание.

– Хорошие чаевые, – сказал швейцар.

– Все уже знают, – возразил гардеробщик.

И судьба вредоносного искусства была таким образом решена. Изготовление порнографии каралось законом как подрыв государственной нравственности, которая расценивалась как важнейший устой государственной же безопасности. Для пущей, очевидно, безопасности коллеги срисовали на память пару особенно затейливых поз.

Когда через двадцать минут (оцените плотность событий) Эви Киви прибежала за сумочкой, фотографий там уже не было. Она посмотрела на гардеробщика. Гардеробщик с удовольствием посмотрел на нее. И занавес первого действия опустился.

После непродолжительного антракта началось действие второе.

На улице Пагари, этой ээсти Лубянке, снимки изучили с великим вниманием и интересом, даже разбирая мелкие детали через лупу. И однозначно пожелали познакомиться с натурой поближе. Их тоже можно понять.

В квартире Отса зазвонил телефон. Вежливейший голос выразил восхищение творческими успехами певца. И пригласил зайти поболтать по мелкому, но неотложному вопросу. Есть в центре один домишко, гостя с радостью ждут. В двенадцать вас не затруднит?

А дело щекотливое. Пахнет скандалом. Фигура всесоюзного значения. Шум раздувать нельзя. Но и о каких-то принятых мерах наверх сообщить необходимо. И принимает Отса лично начальник Пятого управления.

Приглашает его к столу и щедрым жестом показывает на разложенные фотографии:

– Это вы?

Георг Отс злобно закуривает и отвечает:

– Как это к вам попало?!

Начальник подвигает ему пепельницу и говорит:

– Вы бы ими еще все кафе оклеили! Я понимаю, что артисты любят всенародную популярность, но можно же быть разборчивее в средствах. Следующий шаг, простите, это только надписи и рисунки в общественных туалетах.

– Ну, это, кажется, не общественный туалет, – возражает Отс с некоторой обидой за свой будуар на фотографиях. – Что же касается моего средства, – и поглаживает изображение Эви на самом сногсшибательном снимке, – то не понимаю, между нами, мужчинами, чем оно вам может не нравиться?

– Короче: вы признаете, что на этих фотографиях изображены вы?

– А вы что, сами не видите?

– Простите: в таком виде а'ля натюрель я вас не знаю.

– Хотите познакомиться? – мрачно басит Отс.

– Упаси меня Боже. Так это вы или… может быть… не вы?

– Подите вы знаете куда, – предлагает Отс. – Я совершеннолетний мужчина, и по закону имею право вступать в связь с совершеннолетней женщиной. Какие еще претензии?

– А если бы это попало… к журналистам!

– Да кто это опубликует?! Не смешите.

– Ага! Так вы признаете, что это… неприличные снимки?

– А зачем вы их вытащили из чужой сумки? Вы бы с меня еще штаны публично сняли и обвинили в оскорблении общественной нравственности.

Начальник заезжает с другой стороны:

– Вы бы не хотели, естественно, чтобы это попало к вашей жене?

– Почему? – пожимает плечами Отс. – Она это одобрит.

– Что она одобрит?!

– Не вмешивайтесь во взаимоотношения супругов, знаете…

Начальник дает перегазовку и заезжает с третьей стороны:

– Представьте, что это появилось в театре.

– Хм. Много вы понимаете в жизни театра.

– Но как вы такое могли?..

– Да пока еще могу, – не без удовольствия сообщает обвиняемый.

Такие парни свои права и возможности знают твердо. На них где сядешь, там и слезешь. Начальник слез.

Непосредственно вслед за чем влез на Эви Киви – хотя и не так, как ему мечталось бы, но лишь по долгу суровой и неблагодарной службы.

– Вам есть что терять, – пообещал он. – Вы понимаете, что можете вылететь с киностудии, из театра, и не найти себе работу даже в Магадане – если только работенку там не подберем вам мы?

Киви садится, поддернув юбку, ноги неимоверной длины и стройности закидывает одну на другую, грудь выпячивает, золотую гривку взбивает и отвечает холодно:

– Я что, не имею права спать с мужчиной, которого люблю? Или он оказался американским шпионом? Почему вы лезете в мою постель?

– За участие в изготовлении порнографии в качестве натурщицы – до пяти лет строгого режима, – глушит начальник. – Вы не Отс. И ответите по всей строгости.

По молодости лет она тяжко задумывается. Здесь слезу не из таких выбивали. И несчастная оправдывается:

– Я не виновата. Я… не хотела. Я… почти не знала. Я… в изготовлении… не при чем!

– Да? Бедная… А это кто?! А это откуда?!

– Это?.. Просто… есть один знакомый… у Георга… художник…

– Это – художник? Это не художник! Это кто?! Это вы!!!

– Это фотограф… случайно… был в гостях. Мы выпили. И он… нам… на память… Сугубо интимно… просто.

– Просто?! Это не просто! Это десять лет!! Возьмите платок! Я верю, что вы не виноваты! Фамилию фотографа! Быстро! Если это не вы изготавливали фотографии, мы должны убедиться, что там нет целой подпольной фабрики!

Вот так Калью Суура, известного фотохудожника и призера разных международных выставок, выдернули прямо из ателье. Его сунули в машину, скатили в подвал, посадили под лампу и вчинили допрос с первой степенью психического воздействия. Как нетрудно заметить, чем ниже спускалось следствие, тем эффективнее применялись меры. Есть такой закон природы.

– Как?! Когда?! За сколько?! Подумай о детях!..

Мигает он под яркой лампой, режущей глаза, и открещивается:

– Вы знаете, – говорит, – я вообще-то почти не при чем. Я только кнопку нажимал. Я, понимаете, художник. Я все рассматриваю только как фотонатуру.

– Она что, вдруг сама к тебе в кадр влезла, эта фотонатура?!

– Нет, она влезла в кадр не сама.

– Не сама все-таки… А кто ее туда впихнул?! Папа Римский?!

– Нет, Римский Папа ее туда не впихивал.

– Кто!!!

– У нас был художественный постановщик… он руководил, так сказать… замыслом.

– Ах, постановщик. И чем же он руководил? Ну!!!

– Он ставил композиции, добивался пластической выразительности поз.

– Наши поздравления. Позы выразительные. Что есть, то есть. И как же зовут этого великого хореографа? Рудольф Нуриев?

И бедолага-фотограф, страдая от своего предательства, сдает художественного руководителя. Просит закурить и выдавливает:

– Его зовут Эйно Баскин.

Баскин. Комитетчики переглядываются. Вот так. Где ни копни поглубже – вылезает когтистая лапа мирового сионизма.

Баскин слыл тогда молодым талантливым режиссером и с трудом пробивался наверх – явствующая из фамилии принадлежность к проклятому сионизму сильно мешала. В тот злосчастный вечер они у Отса дома напились, и пришедшая в голову затея, не нося политического умысла, представилась развлечением изысканным и веселым.

– Так, – давят и колют Баскина. – Значит, это вы – организатор преступной группы?

– Какой группы?..

– Сознаваться будем?

– Конечно! Но в чем?..

– А вы сами не знаете?!

– Н-не знаю…

– Перестань валять дурака, Баскин! Облегчи душу, рассказывай! Суд учитывает чистосердечное раскаяние.

– Я готов рассказать, но объясните, в чем каяться?

– Тебе же хуже. Нам все известно. – И раскладывают перед ним фотографии, причем трех штук уже не хватает, делись куда-то.

– Позвольте, – натурально изумляется Баскин, – и это все?!

– Тебе мало? Прокурор добавит. Вообще-то здесь, кажется, еще что-то было…

– Да вы шутите. Это искусство!

– Это – искусство?! – И комитетчики сказали много выразительных слов насчет того, чем они это считают.

Но эстетически эрудированный Баскин не давал сбить себя с защитной позиции.

– Искусство, – упорствовал он. – Есть целый отдельный жанр – эротическое искусство. Так и называется.

– Так и называется, вот как?!

– Это целое направление, течение, можно сказать, традиционное в мировом искусстве, начиная с Древнего Египта и Индии.

– Вы не в Древнем Египте, гражданин Баскин! И если вы такой знаток географии, то вам стоит подумать совсем о других местах.

– Да в Европе проводятся международные конференции по эротическому искусству. Люди защищают диссертации, написаны библиотеки литературы. Какая же это порнография, упаси Боже! Да я бы никогда близко не подошел к этой мерзости! ужас! Рубенс! Тициан!..

Следователи озадачились. Из энциклопедии вычитали, что эротическое искусство в принципе существует. Но применительно к конкретной советской действительности – это проблема темная, обходилась неодобрительным молчанием.

И не в силах провести грань между эротикой и порнографией, решили провести экспертизу. Поскольку фотография – искусство изобразительное, следовало пригласить специалиста по изобразительному искусству. Не художника, а критика, аналитика, искусствоведа – специалиста, так сказать, по этике и эстетике изображений. Выбор остановили на маститом авторитете – профессоре Бернштейне, преподававшем эстетику в Академии художеств Эстонии.

Свою роль сыграло и сочетание фамилий Баскин и Бернштейн. Оно придавало ситуации дополнительную веселую пикантность.

Звонят на кафедру, звонят домой:

– Здравствуйте. Это из Комитета Государственной Безопасности.

Очень приятно. Просто счастлив. Вот радость-то в доме.

– Профессор, вы занимаетесь порнографией?

Не понял. Откуда, что? Беспорочно служу тридцать лет советскому искусству! А что – был анонимный донос? Клевета!..

– А про эротическое искусство вам известно?

Что известно? Чье искусство? Ну, существует вообще такое, да. Но мы это не изучаем. Нам это в принципе чуждо. Хотя обнаженная натура в классической живописи, отчасти, постольку поскольку, традиции…

– Скажите: так вы можете отличить обнаженные натуры как эротическое искусство от обнаженных натур как порнографии?

Обнажайте – отличу. Разумеется. Это вытекает из моих профессиональных занятий.

– Тогда подъезжайте-ка к нам быстренько.

Бернштейну продемонстрировали предмет экспертизы и профессиональным жестом подставили под падающее тело стул. Придя в себя и отпив воды, профессор воззрился на фотографии с явным эстетическим испугом.

– Вы понимаете, а попало бы на Запад, это же порочит наш образ жизни, – поощрили его в нужном направлении.

– С другой стороны, это можно рассматривать как пропаганду нашего образа жизни, – с академической добросовестностью отметил несообразительный профессор. Мозги его скрипели, пытаясь найти правильную линию поведения. Убедившись в своей безопасности, он изучал снимки долго и с удовольствием. Он вертел их, кряхтел, сортировал и раскладывал на кучки. И в заключение эксперт вынес вердикт:

– Вот эти – пожалуй, могут быть квалифицированы как эротическое искусство. Но вот эти все-таки, – отодвинул к краю несколько совсем уж диких видов, – наверное, следует считать, увы… порнографией!.. Как ни верти, да…

Итог истории был таков: к Георгу Отсу никаких претензий не имели. К Эви Киви никаких санкций не применили. Фотограф отделался конфискацией архива и рекомендацией меньше налегать на обнаженную натуру, а больше на передовиков производства в рабочей спецодежде. Художественному же руководителю эротической съемочной группы Баскину результаты искусствоведческой экспертизы его доброго приятеля Бернштейна обошлись в четыре года лагеря общего режима. Что можно рассматривать как безоговорочное признание ведущей роли режиссера в процессе создания шоу-продукции.

И четыре года Отс пел, Киви играла, Суур снимал, Бернштейн преподавал, и все они жили половой жизнью, а Баскин валил лес и мечтал выйти и кастрировать натурщиков, а экс-

перта замочить. Но по освобождении друзья организовали ему театр и звание заслуженного режиссера. Очевидно, они тоже ценили его способности. И ему ничего не оставалось, кроме как смириться с тем, что судьба у каждого своя.

ФУГА С ТЕННИСИСТОМ

Старый Хаим Бейдер когда-то был молодым Хаимом Бейдером. Что с того. Все были молодыми. И в давние довоенные времена жил он в украинском городке Каменец-Подольске. Тоже ничего удивительного. Там жило довольно много народа до войны, в том числе и евреев. Я там тоже жил. Но недолго. Я там только родился.

В отличие от меня, вообще бездельника, Хаим Бейдер там работал. Он редактировал газету «Каменец-Подольская правда». Тогда было много областных и районных правд… но черт с ними, мы не об этом.

И в газете у него работал Лева Трепер (через «е», через «е», а не «и», и ударение на втором слоге). Он приехал в Союз из Французской Северной Африки, точнее – из Алжира. Он был из семьи евреев-коминтерновцев. Они были за мировой коммунизм и по зову сердца приехали всей семьей жить в Союз. Строить мировой коммунизм в одной отдельно взятой за задницу стране. У них были горячие, чистые, глупые сердца. Их приняли в Москве и дали приказ кому на Запад, кому в другую сторону. Лео направили в Каменец-Подольск в районную партийную газету. Он писал стихи на французском, а еще знал немецкий. Куда его сунуть? Интернациональным кадром укрепили русско-еврейско-украинскую редакцию. На всякий случай. Языки пригодятся. Дело шло к войне.

Бейдер покровительствовал Лео, учил газетной работе и приглашал на домашние обеды. Потом Лео отозвали в Москву, и он исчез.

Позднее выяснилось, что Лео пропустили через разведшколу и отправили во Францию. По легенде он был фабрикантом резиновых изделий. С секретных счетов ему спустили тысячу долларов на обзаведение. И он проявил гениальные коммерческие способности. Он заключал договора и налаживал связи от Бразилии, поставлявшей каучук-сырец, до Японии и Кореи, покупавших автомобильные покрышки. Он вошел в мировой профессиональный истеблишмент. В сорок четвертом году, когда союзники освободили Францию, крупный промышленник Леопольд Трепер поставлял Третьему Рейху чуть не три четверти автомобильных колес. При этом в каждой партнерской фирме у него был свой агент, гнавший информацию.

В сорок пятом Трепер продал дело, слил все деньги на указанные счета и вернулся в Москву. Из Москвы партия отправила его на Колыму. Естественно, беззубый, он вылез с Колымы в пятьдесят седьмом году. И был поселен в Туле под чужой фамилией. Через десять лет он сумел выдраться во Францию. С жизненным опытом пришла возможность сравнений, он и свалил.

В семьдесят третьем в Париже вышли «Записки разведчика» легендарного Леопольда Трепера. Их перевели на все языки, кроме русского. Так Бейдер узнал о судьбе друга молодости. Сам он в это время жил в Москве и работал заместителем главного редактора советско-еврейского журнала на идиш «Советише Геймланд». Геймланд означало родина. Журнал символизировал расцвет еврейской культуры в СССР. Был дивным для разведки и контрразведки кустом международных связей. В Германии книга Трепера вышла на идиш, вот Бейдер и прочитал.

Но о Трепере мы упомянули между прочим, в связи с Бейдером. Везучесть Бейдера была аналогична Треперовской, но масштабом помельче. Миллионером он не был, зато и не сидел. Не был капиталистом в Париже, зато сейчас спокойно живет в Нью-Йорке. Сын его живет в Иерусалиме, внук в Мюнхене, а я вообще в Таллинне, но я к этим историям вовсе никакого отношения не имею, просто уж заодно, к слову пришлось.

Бейдер был поэт. Он писал стихи. На идиш. За писание на идиш его и взяли в свое время в журнал. Разбавить беспартийным лириком партийную еврейскую когорту идеологического

журнала. Черт с ним, с журналом, полное было дерьмо, мы о стихах. Говорят, стихи были хорошие.

Так вот, в первый раз молодой Бейдер подготовил первый свой сборник стихов еще в Каменец-Подольске. Книжка должна была выйти летом сорок первого года. Но вместо выхода стихов Бейдера произошло другое известное событие, и книга канула.

Бейдер умудрился уцелеть на войне. Но что касается стихов на идише, то было, естественно, не до них. И в следующий раз он собрался с духом издать сборник только в сорок девятом году. Книга была уже набрана, но тут как раз началась кампания по борьбе с космополитизмом. Набор, естественно, рассыпали. Автор остался жив, и это можно рассматривать как большую творческую удачу.

Но происшедшее так на него подействовало, что он надолго вообще оставил поэзию. И в третий раз подготовил многострадальный сборник только в шестьдесят седьмом году. И он выходил из типографии в июне.

Как нетрудно догадаться, в июне вместо этого Израиль вмазал по Египту, и еврейские стихи в Союзе как-то резко перестали требоваться. Сигнальный тираж пошел под нож. Немолодой Бейдер задумался о судьбе еврейской поэзии и вообще об еврейской судьбе.

В результате сборник вышел с четвертой попытки, через сорок лет после первой. Но кураж был уже не тот.

В этом обескураженном состоянии старый поэт Бейдер пересекся с молодым режиссером Шерлингом. Мы характеризуем Шерлинга по профессиональной принадлежности как режиссера, чтобы не характеризовать его по моральной принадлежности как засранца. Но о моральной принадлежности нового знакомца Бейдер ничего не знал. Он, как следует из биографии, вообще был удачлив.

Шерлинг был одним из первых советских евреев, кто из национальности сделал специальность, причем официально. Он создал еврейский камерный театр. Согласитесь, сочетание слов «еврейский» и «камерный» настраивает на юмористический лад. По камерам, господа, вы не в Биробиджане. Будущее подтвердило, что еврейский создатель камерного направления в советском цирке, в смысле театре, как в воду глядел.

Шерлинг решил сделать мюзикл. С мюзиклом удобно мечтать въехать на Бродвей и там остаться. Там много евреев. Некоторые в прошлом камерные.

И он обратился к известному еврейскому поэту Бейдеру с предложением написать либретто. Мюзикл должен был называться «Белая уздечка для черной лошади». Возможно, наоборот. Не суть важно. В мюзикле проводилась та справедливая национальная мысль, что бедность подобает еврею, как черной лошади подобает белая уздечка. Мысль хорошая. Бейдеру, как бедному человеку, она была близка.

Бейдер написал либретто, и Шерлинг с сокамерниками стал разъезжать по городам и весям и средствами музыкально-танцевального искусства пропагандировать преимущества личного обогащения. От властей у него была индульгенция: «Особенности национального искусства». Некоторые считали, что он провокатор. Тех, кто по эстетической близорукости принимал идею спектакля за руководство к действию, со временем сажали. Так что генеральный замысел был верен. И еврейское искусство есть, и проворовавшихся евреев сажают, и все в одном флаконе.

Шерлинг на этом искусстве заработал. В отличие от Бейдера, которому он ничего не заплатил. Он вообще предпочитал никому не платить. В конце концов, он придумал это все, чтоб получать самому, а не платить другим. На всех еврейских лошадей уздечек не напасешься.

Вообще-то мы и о Бейдере упомянули тоже между прочим, в связи с Шерлингом, которого он подсадил на орбиту. С высоты этой орбиты он Бейдера и ободрал, а вместо платы пытался укусить при разборке. Так как же не рассказать о человеке, который придумал либ-

ретто, которое и привело Шерлинга в Таллинн, где и произошла собственно история. К укусам невзнузданного и разнузданного режиссера мы еще вернемся.

В Таллинне «Уздечка» собрала шеститысячный республиканский зал. Собственно еврейское население Эстонии после войны и до массовой эмиграции достигало двух тысяч. Остальные были эстонцы. Они приветствовали все национальное, что не было русским. Шерлинг был расценен как угнетенный и храбрый борец за права нацменьшинств. Овации. Плюс процент с кассового сбора и дележ сбора от неучтенных билетов. Шерлинг уже ездил в белой «Волге» и пил французский коньяк.

В этой «Волге» он катал дам и поил их этим коньяком. Он был вполне молод и более чем темпераментен. И даже кусался. Хотя это не главное, и совсем не за это они любили его.

Случился гастрольный роман у него и в Таллинне.

Собственно, только в связи с этим романом мы и упомянули Шерлинга. К самой истории он имеет косвенное отношение. И даже притянутое за уши. Но как притянутое!..

Теперь следовало бы рассказать о Николае Озерове, Славе Метревели и бедной, но славной истории советского тенниса – задолго до того, как в эту элитарную игру ударился играть престарелый президент страны, и присные с опричными верноподданно схватились за ракетки и сердца, а телевидение открыло, что важнейшим из всех видов спорта для нас является теннис. Но это уже уведет нас чересчур далеко от главной темы. Все-таки это не роман, а только рассказ.

Но не упомянуть о Тоомасе Лейусе все-таки невозможно. Тоомас бывал чемпионом страны и почти призером европейских первенств. Он был гордостью советского тенниса. И уж тем более гордостью эстонского спорта. Вот маленькая же Эстония, а как ловко эстонец бьет по мячику через сетку! Заметьте, лучше любого русского, это тоже не последнее дело.

А платили спортсменам мало. Больше советских инженеров, но гораздо меньше американских безработных. А заграница растляет своим мишурным блеском. И бедные спортсмены, которые не знали про уздечку для бедной лошади, тоже подрабатывали как могли. Контрабандишкой промышляли, валюткой баловались, гонорары за зарубежные соревнования оборачивали как могли, чтоб урвать свой кусочек от девяностосемипроцентного государственного налога, и кое-как устраивались.

Чемпион Союза по теннису Тоомас Лейус не был вовсе нищим пролетарием струнной ракетки. Кое-что у него было. По меркам простых совграждан он был просто буржуем, которому, значит, за его заслуги перед государством дозволено буржуйствовать. Квартира там большая в центре, вещи всякие хорошие, шубы и драгоценности у жены.

Вот из-за жены весь сыр-бор и произошел. У людей семейных вообще все обломы чаще всего происходят из-за жены.

Тем обиднее, что с женой Лейус не жил. Он вообще не хотел жениться. Ни на ней в частности, ни на какой другой. Ему было и так хорошо. В смысле ему было хорошо иначе. Он с детства ходил в секцию, играл в теннис с другими мальчиками, с подростками и со взрослыми дядями – а сам был такой светленький, стройненький, голубоглазый, щечки румяные: чем же он был виноват?.. У взрослых спортсменов характер спортивный, мужской, волевой, свою волю, значит, партнеру навязывать привыкли; навязали. В первый раз и водка никому не нравится, а там охота идет, распробуют и поймут удовольствие. Опять же, мальчик от тебя не забеременеет, телеги в партком и спортком никто не скатит, карьеру никто не поломает. А власти к этим шалостям спортсменов и артистов всегда относились снисходительно. Была бы на высоте спортивная честь государства, ради нее можно и этим самым, ну, пожертвовать.

Лейус и женился из государственных спортивных соображений. Перед первыми зарубежными соревнованиями. Чтоб за границу спокойно выпускали. Дома должна оставаться семья в заложниках. Такой порядок, ничего страшного, все привыкли и воспринимали как должное.

Так что жена жила с мальчиками постарше, а муж с мальчиками помоложе, а выделенной ЦК квартиры хватало на всех, и все нормально.

Но со временем Лейусу это надоело. Жена вошла во вкус своего официального положения и слишком дорого обходилась. Она разбила новую машину, она опять купила новую шубу, она шляется по кабакам и требует денег на расходы, и вообще стала слишком хорошо разбираться в драгоценностях. А он месяцами пропадает на сборах, света белого не видит из-за спортивного режима, постоянно рискует свободой, что ни говори, на таможнях, – и это на нее, получается, пашет? Обидно, согласитесь.

И он решил к черту развестись. Он всегда может взять себе жену гораздо дешевле. Нет проблем. Полстраны желающих на эту должность, да на таких-то условиях. Еще и стирать будет.

Однако характер у жены по мере роста благополучия сделался круче крутого яйца, и все попытки разговоров на эту тему она решительно пресекала. В качестве встречного иска она требовала от него исполнения супружеских обязанностей. Подлая была женщина.

Мириться с действительностью часто помогает алкоголь. И в один из моментов полного примирения с действительностью Тоомас решил примириться заодно и лично с женой. И объявил ей об этом намерении.

Но она как раз оказалась тоже примиренной с действительностью, причем тем же самым способом. И будучи крепко примиренной, неправильно поняла его примиренность. Хрен с ним, с жадным педом, примиренно сказала она. Она согласна на развод. Но только при условии, что он компенсирует ей лучшие годы жизни, когда она бесплодно страдала, пока он играл в свою поганую игру. Она имеет право на долю совместно нажитого имущества.

Разговор принял неожиданный оборот. Спортсмен был уязвлен такой подрезкой мяча. Сначала он хотел въехать ей в глаз, потом обрадовался, потом углубился в расчеты, потом задумался. Потом вдохновился благородством и ответил, что все ее вещи останутся ей, а квартиру они разменяют.

А мебель? – Поделят.

А деньги на сберкнижках? – Какие деньги? Она что, роется в его вещах? Грязная свинья! Да ее дешевле вообще убить за сто рублей!

Оценка ее жизни в сто рублей привела жену в бешенство, и она уменьшила стоимость совместно нажитого имущества как раз на упомянутые сто рублей, расколов о голову мужа хрустальный кубок, врученный ему за одну из побед. Осознав, что деньги как бы потрачены, а результата никакого, кроме головной боли, муж в свою очередь озверел. А колотуха с правой с замахом из-за головы у теннисистов поставлена на зависть купцу Калашникову. Через пять минут жена выбралась из-под стола кротким сговорчивым созданием. До нее дошло, как Лейус зарабатывал свои медали.

– По суду я получу половину, – сказала она. – А так согласна на треть.

– Наливай, – отозвался благодетель. – Ты получишь треть, а сейчас выметайся.

– И треть камушков, – уточнила она.

– Каких камушков?..

– Брюликов.

– Каких брюликов?

– Которые в коробочке.

– Какой коробочке?

Жена бросилась в спальню и нырнула под кровать, отдирая от матраса лейкопластырь. Лейус за ноги выволок ее из-под кровати, и бриллианты разлетелись по ковру.

– Идиотку нашел?! – вопила она, брыкаясь и зажимая горсти. – Грошами отделаться?! Что думаешь, я ничего не знаю!

– Этого ты не наживала! Ты вообще ничего не наживала, кроме триппера!

– Я посмотрю, что ты в тюрьме наживешь! Не дашь?

– Не дам!

– Дашь!

– Не дам!

– Все. Кончилось мое терпение. Завтра сядешь. За махинации с валютой и драгоценностями. А ты что думал.

– Су-у-у-у-ка!!!

– Половина или ничего!

С ненавистью и ловко она брыкнула его туда, где теннисисты не носят бандаж, не хоккей, и схватка перешла в партер. Хрустело, хрипело, рычало и мяукало, и мартовский кот отозвался в унисон с соседней крыши.

Когда Лейус осознал, что кроме кота он никого не слышит, он встал. Он встал, посмотрел и сел. Голова жены была закинута набок, и по выражению лица, известному не только судмедэкспертам, было ясно, что все имущественные претензии сняты. Скверная была картина и жутковатая. И главное – неразрешимая.

Теннис – не шахматы. Бить было больше некого. Соображение отказало спортсмену. Судорожно пожимая плечами, он закрыл квартиру на два замка и побежал прятаться по друзьям, не посвящая их в подробности. Трое суток он пил и трясся. На четвертые сутки его взяли прямо у друзей же.

Дело было ясней колорадского жука, навредившего колхозной картошке. Признание и раскаяние последовали сразу. На лице и руках заживали царапины от женских ногтей. На женской шее отпечатались десять пальцев соответствующей длины. И бриллианты валялись по спальне.

Припахивало вышкой. Статьи отлично складывались. Валюта, драгоценности, и убийство на корыстной почве с последующей попыткой скрыться от закона. Заряжай.

Вот сейчас настало самое время рассказать историю Симона Левина. Но это уже может быть расценено как явное нарушение принципа национального равенства и справедливости. Почему в истории о том, как эстонский мужчина сгоряча задушил свою эстонскую же жену, должно рассказываться о сплошных евреях, которые вообще безусловно повинны во многом, но к данному преступлению как раз не имеют непосредственного отношения? Вы чувствуете, как они всюду лезут? Поэтому мы ограничимся теми сведениями, что Симон Левин входил в так называемую «золотую десятку» советских адвокатов, которые славились вытягиванием самых безнадежных дел; ну, и гонорары брали соответствующие. Он жил в Таллинне и даже в те времена любил отдыхать в Швейцарии, где имел родственников. Друзья и спортивные покровители Лейуса позаботились о хорошем адвокате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.